

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ЮЛИЯ ФЕДОТОВА

ПО СЛЕДУ СКОРПИОНА

Классическая Лайфа-книга

Наемники Судьбы

Юлия Федотова

По следу скорпиона

«Автор»

2007

Федотова Ю.

По следу скорпиона / Ю. Федотова — «Автор»,
2007 — (Наемники Судьбы)

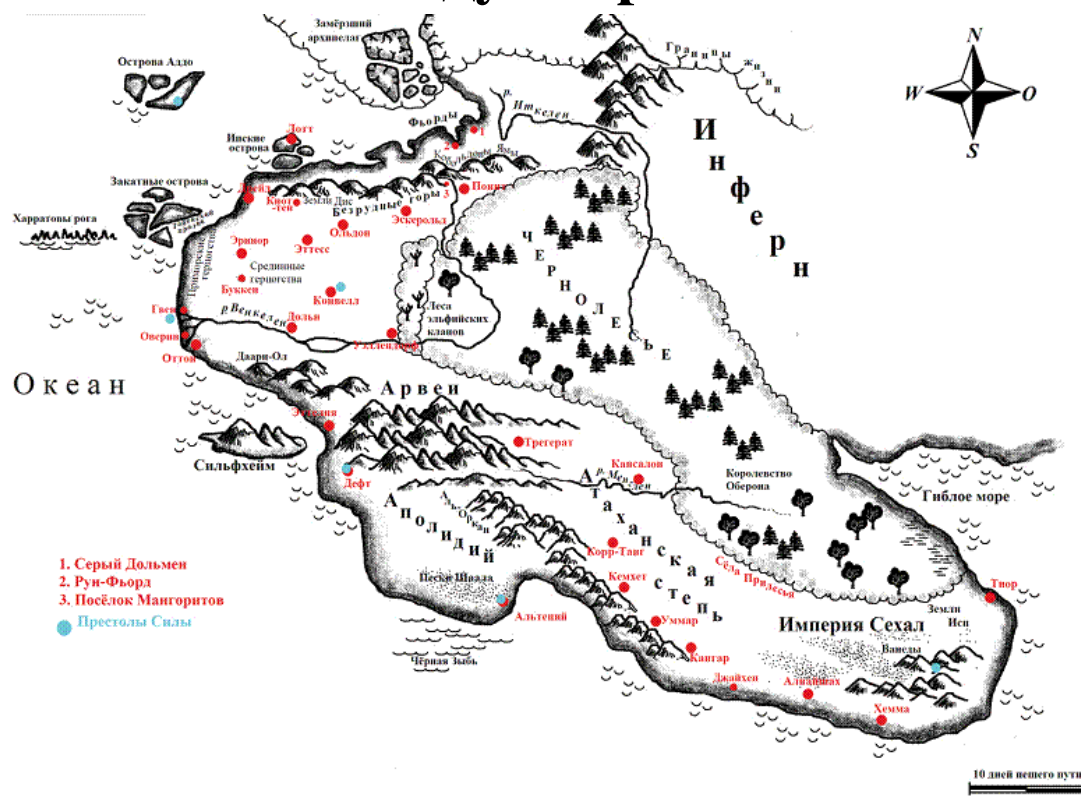
Окончилась страшная война. Уничтожена армия незаконных магов, кости Некроманта обглодали курганники в Атаханской степи. Подписании Соглашение о Вечном мире – а каждому школяру известно, действуют такие соглашения уж никак не меньше двух-трёх лет... Увы! Даже такой короткой передышки не получило Староземье. Беда грянула вновь. Полыхают колдовские огни Престолов Силы, орды орков спускаются с гор. С Севера, из глухих, забытых богами лесов, звериными тропами крадётсЯ в мир древнее ЗЛО. Кто встанет на его пути? Ну конечно же, они, Наёмники Судьбы. У них ведь уже есть опыт в такого рода делах...

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Юлия Федотова

По следу скорпиона

Часть первая

– Все! – раздался из-под кровати голос Меридит. – Деньги кончились!

Вслед за голосом объявилась и сама Меридит – вся в пыли, с паутиной во всклокоченных волосах.

– Демон знает что! У нас под кроватью хоть иногда кто-нибудь убирает?!

– Ты убираешь? – спокойно осведомилась Энка.

– Разумеется!

– Ну вот.

Меридит махнула рукой. У сильфиды были весьма своеобразные представления о чистоте и порядке: снаружи мусора не видно – и достаточно.

– Слышали, что я сказала? Деньги кончились.

Хельги отложил книгу.

– Не может быть! – удивился он. Впрочем, особого сожаления в его голосе не улавливалось. – Не могли же мы за год потратить две тысячи.

– Ого! Еще как могли! Вот считай: треть ушла на взятку. Так?

Хельги кивнул. Официально это называлось «частное пожертвование на развитие науки», а на деле было самой настоящей взяткой Ученому Совету, чтобы восстановили в университете без потери года и приняли в магистратуру.

– Вампира купили? – продолжала диса.

– Ампира, дура! – вклинулась Энка. – Моего грифона зовут Амфир.

– А откликается он на Вампира. Не сбивай, мы считаем. Итак, вторая треть – грифон. Потом заплатили за обучение Ильзы и Эдуарда – это еще две сотни. А еще одежда, жилье, учебники... Если все сложить, как раз и выйдет две тысячи. Тем более две тысячи сейчас – совсем не то, что до войны.

– А стипендия?

– Ее на еду едва хватает, чтоб ты знал.

– А-а! Досадно.

– Тебе не досадно, тебе наплевать. А положение у нас критическое.

Словно желая убедиться в правдивости ее слов, Хельги, свесившись, заглянул под кровать. Там в дальнем углу девицы оборудовали тайник, но увидеть его, если не заползешь под кровать целиком, было невозможно. Меридит рассмеялась:

– Да критическое, критическое, не сомневайся! А отсюда ты ничего не разглядишь, это надо лезть.

Но Хельги лезть не захотел и снова уткнулся в книгу. Сильфида тоже не обеспокоилась:

– Подумаешь! У нас всегда деньги к весне кончаются. Летом сгоняем в Сехал. А то я еще слышала, Аполидий хочет с орками воевать...

Меридит взглянула на подругу с осуждением.

– Между прочим, нам через два дня забирать на вакации Ильзу и Эдуарда. Во что мы их оденем, скажи пожалуйста? Или пусть в школьном ходят, народ пугают?

Хельги выронил книгу. Действительно, как он забыл об орках?! В Дольнской школе Белых Щитов ученики носили специальную форму: плотные штаны и куртки пижамного покроя и белого цвета, чтобы кровь была заметнее. Прямо скажем, не прогулочный костюм!

Но Энка не склонна была отступать так сразу.

– Может, у них старое осталось?

– Старое?! – вскипела Меридит. – Ты забыла, в каком оно было виде после наших путешествий? Не говорю уж о насекомых! Его сожгли давным-давно!

– Тогда дадим им что-нибудь из нашего.

– Например? Зимний капюшон или, может, парадную мантию? У нас даже штанов запасных нет.

– У Хельги были, серые.

– Были. Пока он не облил их кислотой.

– Ну ладно! – сдалась Энка. – Значит, надо добыть денег.

– О чем я вам и толкую! А где?

– Слетать к Рагнару, попросить в долг. Тысяч пять-шесть, чтобы надолго хватило.

– А отдавать чем будем? – спросил Хельги.

– Отдавать мы не будем. Вы что, Рагнара не знаете? Он скажет: «Берите так, у меня много».

Меридит с Хельги дружно фыркнули. Предложение их абсолютно не устраивало.

– Ну, тогда украсть. Ограбить ростовщика Пруденса.

Хельги опять заартачился:

– Хотел бы я знать, что скажет профессор Донаван, когда узнает, что его ассистент грабит ростовщиков, как уголовник?

– Он не узнает. У нас же есть разрыв-трава. С ней – проще простого...

– У нас и папоротник есть. Не логичнее ли клады поискать?

– Хельги, ты умница! – просияла Меридит. – Не то что некоторые криминальные личности! И как нам сразу в голову не пришло?

Стояла чудесная майская ночь. Теплый ветер пах приближающимся летом. Молодая листва серебрилась в лунном свете. Весенняя грязь уже просохла, летняя пыль еще не поднялась. Между булыжниками мостовой пробивалась травка, нежная, как шелк. На крышах страстно орали коты, вокруг редких фонарей кружили насекомые, похожие на снежинки, в палисадниках расцветала сирень.

Всего два года назад весенние улицы студенческого Уэллендорфа в этот час наводняли влюбленные парочки и развеселые компании подвыпивших гуляк. Теперь город был пустынным, лишь в темных подворотнях шмыгали чудом уцелевшие после прошлогодней резни боггарты и брауни. Тревожно было в Уэллендорфе, тревожно было и в Староземье. Еще летом объединенные войска герцогств разгромили и разогнали импровизированную армию Великого Господина Вардоха Глома. Усилиями Коллегии незаконные маги были истреблены, а спасшиеся расползлись, попрятались по своим тайным норам, затаились. Кости самого некроманта давно уже обглодали курганники в Атаханской степи. Перепуганные народы подписали «Соглашение о Вечном Мире», а каждому школяру известно: действуют такие договоренности уж никак не меньше двух-трех лет! Жизнь вроде бы налаживалась.

Но покой еще не вернулся в опустошенный войной край. Слишком многие научились держать оружие в руках и узнали вкус легкой добычи. Разбойники и грабители всех мастей наводнили Срединные Земли. Ночные улицы Уэллендорфа стали не менее опасны, чем линия фронта. Здесь убивали за гроши, за пару сапог, за кусок хлеба...

– Не налететь бы на грабителей, когда назад пойдем, – заметила Энка.

– Демон с ними, с грабителями, – ответил Хельги. – Грабителей перебьем. На стражу бы только не напороться. Как мы им объясним, куда тащимся на ночь глядя с оружием и лопатами?

– Стражу тоже перебьем! – решила Энка.

– Силы Стихий! – возмутилась Меридит. – Хельги, с кем мы связались! Никакого представления о законности!

– Можно подумать, ты никогда не убивала уэллендорфских стражников! – сердитым шепотом напомнила сильфида.

– Я действовала по законам военного времени. Тогда они были врагами. Сейчас все иначе, когда ты наконец уяснишь?

– Можешь не делать из меня дуру! У меня по юриспруденции балл выше, чем у тебя. Просто не люблю двойную мораль: твои любимые «законы военного времени» и есть самое настоящее беззаконие... И лопатой не греми, как дольнский пехотинец на марше! А ты, Хельги, должен отучаться говорить «демон с ними»!

– Почему? – удивился тот.

– Скажи, здесь поблизости есть хоть один демон?

Хельги нырнул в Астрал и огляделся.

– Нет. Никого, кроме меня.

– Вот именно, кроме тебя! И когда ты говоришь «демон с ними», «пошли они к демону» и тому подобное, то посылаешь их к самому себе. Вот грабители на нас и налетят!

Хельги жалобно вздохнул.

Если в военное время из его грозной и могучей демонической сущности хоть иногда удавалось извлечь пользу, то в мирной жизни от нее было одно беспокойство.

Во-первых, приходилось постоянно следить за своими словами. Он уже не мог, как прежде, брякнуть с досады: «Пропади они пропадом», «Покусай их химера»... Его пожелания, высказанные в отношении группы лиц, время от времени исполнялись и обратной силы не имели. Благодаря его неосторожным обмолвкам, у горных эльфов рождались шестипалые детеныши, у всех городских точильщиков навсегда пропал голос (однажды представитель этой почетной профессии имел несчастье разбудить Хельги на рассвете своими воплями «Точить ножи, ножницы!», а большое семейство горьких пьяниц из квартиры этажом выше и вовсе «пропало пропадом» – никто их больше не видел.

Во-вторых, когда у второкурсников шли лабораторные по вызову демонов, ему стоило большого труда не попадаться. А если такое случалось, профессор Перегрин жаловался профессору Донавану: «Ваш ассистент срывает мне учебный процесс». Как будто он нарочно!

В-третьих, преподаватель теоретической демонологии мэтр Уайзер заявил на Ученом Совете, что магистрант Ингрэм своим поведением дискредитирует в глазах студентов образ высшего демона. Нет в нем, видите ли, должного величия! Можно подумать, мэтру Уайзеру есть с кем сравнивать. Откуда ему знать, как выглядят высшие демоны, если он сам признается, что ни одного не встречал?! А Хельги встречал! Вот, например, Да Винчи – демон явно не из последних: границы миров отворяет, как двери в трактир, во времена перемещается, Макса домой отправил – и ничего, не важничает. Или Один, северный бог – склочный мужик, дикий, как фьординг, – какое уж там величие?...

– Смотри, в столб вступишься! – Меридит вывела Хельги из размышлений о горькой участи демона.

Возле западных городских ворот цветок (псевдоцветок) папоротника ожил, озарился розовым светом.

– Вот! – обрадовалась Энка. – Правильно я сказала, надо искать у старого замка! Наверняка его обитатели что-нибудь да припрятали на черный день. Времена тогда были беспокойные.

Меридит поморщилась. Старый замок кишел нежитью, а ее дуса не то чтобы побаивалась, скорее, брезговала. Надо сказать, на самом деле там уже и замка никакого не осталось, все его стены разобрали на камень лет двести назад, когда мостили Дольнский тракт. Лишь огромные глыбы фундамента местами выглядывали из придорожного бурьяна, словно надгробные памятники древнему великолепию. Среди них-то нежить и обреталась: призраки, синие огни, слепые карлики... Немногие путники отважились бы задержаться возле замка ночной порой.

– Синие огни – верный признак клада! – заявила Энка.

И оказалась права.

Клад лежал неглубоко, по пояс, у замшелого валуна. Кованный ларь, казалось, намертво врос в землю. Но стоило Хельги потянуть за скобу на крышке – он выскочил, будто невидимая рука подала его снизу.

И ни один призрак не побеспокоил кладоискателей. И на обратном пути не встретились ни грабители, ни стражники. Энка потом утверждала, что еще тогда заподозрила: дело нечисто!

...Меридит, охая, перевалила мешок со своей спины на спину Хельги.

– Тяжелый, зараза! Не понимаю, отчего бы нам не воспользоваться грифоном?

– Я тебе говорила. На этой неделе его очередь сидеть с птенцами.

– Мог бы и оторваться на часок.

– Нет. Я обещала не беспокоить его до понедельника. Иначе возьмет и откажется везти из Дольна сразу троих. Он и так недоволен, что приходится каждые три дня ко мне являться. Его жена сердится, она из диких.

Меридит фыркнула: тоже грифоновладелица! Уж на что прежний ее грифон, Тимпан, был с характером, с ним все-таки получалось столкнуться. Новый, Вампир, полностью оправдывал свое имя. Нечасто, ох, нечасто удавалось на нем полетать!

– Сами виноваты! – отвечала на критику сильфида. – Я говорила, надо брать дорогого, дешевые – они потому и дешёвые, что норовистые. И зовут его Амфир! Сколько можно повторять?!

До дому кладоискатели добрались почти на рассвете.

Энка с грохотом свалила тяжелую ношу на спешно расстеленные газеты. Дорогой сильфида всячески сачковала, но коварная Меридит нашла способ ей отомстить: подгадала так, что именно сильфиде выпало тащить добычу по узкой крутой лестнице на третий этаж. Хельги, правда, порывался поступить по-рыцарски, но диса пресекла его порывы на корню. Пришлось девице отдуваться самой, и миг соприкосновения сундука с полом был одним из самых приятных в ее жизни.

– Тише, дурища! Пол проломишь! – зашипела диса.

Снизу раздался ответный стук. Соседи выражали свое возмущение при помощи швабры. Меридит стянула с находки мешок.

– Ну что, открываю?

– Нет! – неожиданно возразила Энка. – Не будем его пока разбирать.

– Почему? – в один голос воскликнули потрясенные Хельги и Меридит: что-что, а терпение никогда не входило в число добродетелей сильфиды.

– Подождем Ильзу и Эдуарда, – пояснила та. – Они нам не простят, если разберём без них. Возьмем пока горсточку не глядя, им на одежду, и все.

Так они и поступили, ибо в словах сильфиды был несомненный резон. А ларец до поры до времени запихнули под кровать и прикрыли половичком.

Выходные тянулись как целая вечность, но вот наконец настал долгожданный понедельник, и Энка, оседлав строптивого отца семейства, умчалась в Дольн...

– Все! – заявил Эдуард, с размаху плюхаясь поперек кровати наставника. – Как хотите, но я больше в это демоново троллье гнездо ни ногой!

– И я! И я! – подхватила Ильза. – Ни за что! Буду дома жить! Подвинься!

Она растянулась рядом с принцем.

– Что так плохо? – с сочувствием спросил Хельги. Ему живо вспомнились собственные юные годы в Дрейде.

– Отвратительно! Кормят отбросами, наставники – сущие упыри. А подъем – в пять утра! – доложил Эдуард. Он знал, чем можно разжалобить Хельги.

– А тренировки – просто ужас! По четырнадцать часов! Будто мы нежить бесчувственная! – добавила Ильза. – И воды уже две недели нет, бак прохудился. Я грязная, как кобальд. У нас хоть вода есть?

– Есть, – ошастливила Меридит, – я целый котел нагрела, идите мойтесь... да по очереди! Ванна-то одна! Дамы вперед.

– Вот! – умиленно всхлипнула Ильза. – А в школе никто не смотрит, дама ты или нет!

Ильза удалилась в ванную, принц набросился на еду, Энка, изнывая, бродила кругами возле кровати, скрывающей заветный ларец, – и тут в дверь постучали. Меридит открыла, не спрашивая кто, и тотчас завопила нечленораздельно и радостно. На пороге стоял Аолен собственной персоной!

Из ванной в одной рубашке вылетела мокрая розовая Ильза и повисла у эльфа на шее. Остальные выражали свои эмоции не менее бурно и шумно, так что соседи, похоже, едва сдержались, чтобы снова не пустить в ход швабру. Но, видно, вспомнили, кто именно живет наверху, и решили не рисковать.

– Ты ведь надолго к нам? – Ильза с надеждой заглядывала Аолену в глаза. – Насовсем? Эльф смутился.

– Я... – мялся он, растеряв все свое эльфийское красноречие, – я... ну, в общем, да. Насовсем! – выпалил, будто на что-то решившись. – Можно, я поживу у вас... первое время? Пока не устроюсь?

– Дурной, что ли? – возмутилась сильфида. – Как можно задавать такие идиотские вопросы? Не видишь разве, какие у нас хоромы? Целую сотню разместить можно!

Насчет сотни она, понятно, преувеличивала. Хотя по сравнению с их прежней каморкой на чердаке устроились они действительно шикарно: сняли целую квартиру, состоящую из просторной комнаты, кухни и ванной. В кухне была печь, а в ванной – водопровод! Поворачиваешь рычажок – и вода сама льется из позеленевшей от сырости медной львиной пасти. Условия – королевские!

– И не вздумай нигде в другом месте устраиваться, мы тебя все равно не отпустим. Аолен улыбался сконфуженно, но счастливо.

«Нелегко тебе будет вернуться к традиционному эльфийскому образу жизни», – будто бы прочитала его мысли Меридит, там, под черным северным небом, на продуваемом всеми ветрами льду Иткелен...

Он старался. Он очень старался, видят добрые боги...

– Аолен, ты мыться будешь? – крикнула Меридит из кухни. – Иди тогда сразу, тебе полкотла хватит. А для Эдуарда я целый согрею, его надо отмачивать. Он хуже болотника...

Впервые за весь год эльф почувствовал себя дома.

...Эдуард отмокал в ванне, Ильза с Аоленом ели, Энка, изнывая, бродила кругами возле кровати, скрывающей заветный ларец, – и тут в дверь постучали.

На пороге стоял дорожный плетеный короб. Сверху лежал большой мешок. И второй мешок. И еще корзинка, прикрытая вышитым полотенцем.

– Привет! – раздался голос. – Это я приехал!

Из-за груды вещей выглянула и расплылась в широкой улыбке страшноватая физиономия наследника оттонского престола, славного рыцаря Рагнара!

– !!!!!

Соседи снизу пустили-таки в ход швабру.

Они сидели за столом, ломившимся от оттонских яств.

– Коржики берите, – угощал Рагнар, развязывая корзинку, – мама сама пекла, специально для вас. – Потрясенная Ильза даже поперхнулась: настоящая королева специально для нее пекла коржики! Сама! И они вышли отличные – на глазах исчезают.

Сердце девушки таяло от блаженства. После целого года разлуки они снова были вместе!

– Теперь только Орвуда не хватает, – заметила Энка, – не удивлюсь, если и он сейчас объявится.

– Не объявится, – откликнулся Рагнар. – В смысле сейчас не объявится. Он сказал, что будет ближе к вечеру. Сперва зайдет в Торговую Палату, затем в...

– Он что, здесь?! В городе?!!

– Ну да. Мы встретились на тракте, и последние дни ехали вместе.

– !!!!!

Энка потом уверяла, что уже тогда заподозрила: дело нечисто!

Так и пришлось бедной сильфиде изнывать до самого вечера. О том, чтобы открыть ларец без Орвуда, нечего было и думать. Гномы подобного не прощают.

– Силы Великие! Сколько же все это может стоить?! – прошептала Энка с несвойственной ей серьезностью.

Войди в комнату посторонний, он наверняка решил бы, что попал если не в филиал королевской сокровищницы, то в процветающую ювелирную лавку. Золото было повсюду: на кроватях, на столе, на подоконнике. Драгоценные камни играли гранями в свете лампы, отбрасывали блики, превращая убого обставленную студенческую комнату в сказочные хоромы.

Эльф и гном, застыв как статуи, в немом восхищении взирали на окружающее величие. Они понимали: *все это* стоит гораздо больше, чем могут предположить не искушенные в ювелирном деле кладоискатели.

Вот сапфировое кольцо тончайшей древнеэльфийской работы – теперь таких уже не делают: камни как слезки, как капли воды на серебряных нитях. Вот золотая ящерка, чешуйчатая, с рубиновыми глазками, с алмазными коготками, сидит на зеленом резном листике из отличного сехальского нефрита. Варварски роскошный кинжал – рукоять и ножны инкрустированы едва ли не всем, что можно извлечь из недр драгоценного, – ему не менее трех тысяч лет. Носовая серьга с изумрудом такой величины, что редкий нос выдержит – каратов пятнадцать, не меньше! Подобные украшения были в моде у дев корриган в прошлые тысячелетия. А еще – броши, кольца, браслеты, золотые монеты чеканки Старых Царств и даже древнее... всего не перечислишь. И все – достойное королей! Время сделало драгоценности бесценными. Просто невозможно было осознать себя обладателями этих несметных сокровищ. Даже оба принца, дотоле проявлявшие к кладу скорее познавательный, нежели меркантильный интерес, притихли.

– С ума сойти! – выдохнул Хельги. – В жизни ничего подобного... О! А это что за штука?

На самом дне ларца лежал золотой тубус размером с пенал школяра, отполированный до зеркального блеска. На торцах был искусно выгравирован герб: единорог, птица и корона в обрамлении еловых ветвей.

– Открывай скорее! Чего ты тянешь? – заторопила Энка.

А Хельги почему-то расхотелось это делать. Но – куда денешься? – открыл.

Пергамент сохранился удивительно плохо, пересох и растрескался. Большая часть текста оказалась утраченной. Прочсть можно было лишь самый конец свитка, он был не так туго скручен.

Меридит с трудом разбирала выцветшие древние руны, переводила с ходу:

– «...И враг стоит у порога, и близок уже конец. И канет во мрак небытия, в пучину забвения род наш и тысячелетнее царство наше, как и предрекали Мудрые... Но к вам, о потомки, взываю и уповаю... Примите последнее добро... в смысле, богатство мое, но исполните последнюю волю мою... или не троньте его, и да не падет на ваши головы проклятие...» А

иначе, надо понимать, падет! Вот демон!.. Нет, про демона не написано, это я ругаюсь. Мы же его тронули... «Дабы другие...» Троль побери, тут совсем осыпалось! Короче, он хочет, чтобы вернули какую-то реликвию, которую кто-то сейчас заберет, из-за чего все канут в небытие. А если ее вернуть, род его возродится. Если мы не в силах исполнить волю его, должны оставить сокровища на прежнем месте, не изымая ни монеты, ни самоцвета. Но он уповает, что мы в силах, да помогут нам боги и демоны! Все.

– Ничего не понимаю! – заявил Рагнар после общего продолжительного молчания.

– Чего тут понимать? – невесело усмехнулся Хельги. – Глубокой древности покойник нанимает нас на службу, чтобы мы нашли его реликвию. Иначе на нас падет проклятие. Только и всего.

– А я сразу почуяла: неспроста все это! – хвастливо возвестила сильфида. – И клад слишком легко дался, и все вместе неожиданно собрались... Не иначе, опять Силы Судьбы мудрят! Вляпали нас, как говорится, по самое...

– Послушайте, – поспешно перебил Аолен, – возможно, разумнее будет вернуть клад на прежнее место? Жили мы раньше без него...

– Правильно! – подхватил рыцарь. – Ну его к гоблинам! А денег у меня сколько нужно, столько и возьмете. Не люблю я все эти дела, с древними проклятиями! Ну что, складываем? – Он потянулся к золоту.

Гном бесцеремонно шлепнул оттонского принца по руке.

– Я те сложу! Привык шедеврами мировой культуры разбрасываться! Подумаешь, проблема! Год назад целый мир пришлось спасать, и ничего, справились. А тут и дел-то всего – отыскать старую рухлядь и вернуть на место.

– А я говорю, надо вернуть клад! – заупрямился Рагнар.

– И не думай! – прорычал гном.

– Да тихо вы! – рывкнула Энка. – Чего без толку грызться? Мы все равно уже потратили пять монет на одежду. Взяли не глядя... Эх, если бы хоть знать, о какой реликвии речь, где ее искать.

Меридит вновь углубилась в изучение манускрипта, но ничего нового не почерпнула. Отдельные полустертые руны в текст так и не сложились. Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. И ведь придется идти!

О том, как поступить с кладом, приятели больше не спорили. Перешли к обсуждению деталей грядущего предприятия. Начать решили с исторического расследования: порыскать в библиотеках и архивах, нет ли сведений об обитателях древнего замка, их утраченной реликвии и горькой участи. На это уйдет недели две, как раз закончится семестр в университете, и, если повезет, можно будет отправляться в путь за реликвией. А если не повезет – в Трегерат. Тамошней библиотеке нет равных во всем Староземье.

– А куда мы спрячем сокровища? – забеспокоился Рагнар. – Нельзя же держать такие драгоценности под кроватью без присмотра?

– Как куда? – удивился Хельги. – Отвезем к тебе во дворец, разумеется. На хранение. Лучшего места у нас нет.

– Лично я предпочел бы забрать свою долю сразу и свезти в Даан-Азар, – заметил гном.

– Какую твою долю? – вскипел рыцарь. – Клад нашли без нас, мы вообще не имеем права на него претендовать!

– Бесспорно! – подтвердил эльф. – Все принадлежит Хельги, Меридит и Энкалетте!

Кладоискатели дружно вздохнули. Дела обстояли совсем не так, как представлялось их благородным друзьям.

– Из всего содержимого ларца каждый из нас может взять ценностей на сумму, не превышающую семьсот пятьдесят золотых, – мрачно уведомил Хельги, – еще триста возьмет Эдуард. Остальное делите поровну на четверых.

Четверо ошарашено воззрились на демона.

– Ты спятил? – спросил Орвуд. – Тут добра на миллионы!

– Ничего не поделаешь. По Уставу гильдии воин в звании сотника не имеет права получить за выполнение конкретной боевой задачи более семисот пятидесяти золотых. Это еще спасибо, что после войны расцепки подняли! Мир мы за пять сотен спасали.

– С ума сойти! – ужаснулся Рагнар.

Теперь он наконец понял, почему наемники отказались взять с него обещанную плату после того, как с ними расплатилась-таки Коллегия магов.

– Слушайте, – осенило его, – тысячники – они ведь побольше сотников получают? Уж за спасение-то мира вы можете претендовать на звание тысячников?

– Можем, – грустно вздохнула Меридит. – Мы и раньше могли.

– Так в чем дело?

– Если мы сейчас станем тысячниками, гарантированно останемся без работы.

– Почему? Сейчас на юге собирают очень большие армии, вакансий полно!

– Посмотри на нас непредвзято, – предложила сильфида, – в смысле, представь, что не знаком с нами, что впервые встретил и ни разу не видел в бою. Ты нанял бы нас тысячниками? Только честно.

– «Отстраненно», а не «непредвзято», – буркнула Меридит.

Рагнар посмотрел.

Что и говорить, болтливую рыжую девицу трудно было представить во главе войска. Да и тоненький бледный спригган внешне на полководца не тянул.

Одна диса еще более или менее, за десятника сошла бы...

– Ну что, понял?

– Понял, – убитым голосом признал Рагнар. – Удивительно, что вас вообще нанимают.

– Вот именно. Нас спасает только то, что младший состав подбирает не лично клиент, а нанятый им тысячник. Если же мы сами будем тысячниками, то воевать нам не придется лет двадцать, пока не станем солиднее.

Гном фыркнул с осуждением:

– Я бы на вашем месте просто вышел из гильдии и забрал нормальную долю клада. Ее хватит на безбедную жизнь всем вашим потомкам до седьмого колена. Можно будет вовсе не воевать.

– Если я не буду регулярно воевать, стану проклятой, – напомнила Меридит. – Хочешь, чтобы я перевоплотилась в троллиху?

– В кого?! – ахнули все, кроме осведомленного Хельги.

– В кого слышали. И нечего на меня таращиться. Можно подумать, спригганские демоны-убийцы лучше!

– Убью!!! – шипел не хуже разъяренного боевого дракона Хельги. – Найду и убью, чего бы мне это ни стоило! Изничтожу скотину!

– Кого убьешь? – удивленно моргнула Энка. – С тобой что?

– Бандароха Августуса! – с отвращением выплюнул Хельги.

– Кого???

– Августуса! Бандароха!

– А кто это?

Вместо ответа Хельги швырнул сильфиде большую, новую, красивую книгу в кожаном переплете с золотым тиснением. Не долетев до кровати, том шлепнулся на грязноватый пол

в раскрытом виде, страницами вниз. Твердый переплет заломился, углы сильно помялись от удара.

Меридит присвистнула: что-то новенькое! Обычно Хельги – существо цивилизованное, образованное и культурное – обращался с книгами бережно, будто с хрустальными.

Энка подняла несчастный фолиант, зачитала вслух: «Бандарох Августус. Полнейший и новейший демонологический словарь. Издание второе, дополненное. Рекомендовано в качестве справочного пособия для учащихся средних, профессиональных и высших учебных заведений, а также для широкого круга читателей...»

– Ну и что?

– Ты дальше, дальше читай! На букву «И».

Сильфида принялась листать страницы.

– Прихожу это я в нашу библиотеку, – тем временем начал свой рассказ Хельги, – собираюсь почитать про старый замок, вдруг вижу – библиотекарша, старая гарпия, терпеть ее не могу, так странно на меня косится! А потом говорит: «Деточка, к нам вчера новый справочник поступил, возьми-ка, полюбопытствуй». Я и полюбопытствовал! Сперва, конечно, удивился, зачем она мне его подсунула, а потом... Ну что, нашла?

– Нашла! – странным голосом подтвердила сильфида.

– Читай!

Энка прокашлялась и принялась читать нараспев, как на занятии по риторике:

– «ИНГРЕМ ХЕЛЬГИ – подменный сын ярла Гальфдана Злого, урожденный спригган. Могущественный и опаснейший из современных демонов-убийц, причислен к кругу Великих. По силе сопоставим с таким властительными демонами, как то: Один, Зевес, Табити, Пероон, Янус, а возможно, и превосходит оных; точные данные отсутствуют по причине недостаточной изученности объекта. Достоверно известно о таких возможностях И., как то: перемещение мощнейших магических потоков в астральном пространстве, поглощение сущностей, в т. ч. бессмертных (см. ИРРАКШАНА), отворение границ миров и перемещение материальных тел через оные. Покровительствует тварям бессловесным и крамольным наукам. Имеются свидетельства почитания И. как бога атаханскими сообществами Чёрных Моджахедов, известных своими жестокими и кровавыми ритуалами...»

– А-а-а!!! – завопила Ильза, вскакивая. – Значит, Черные моджахеды могут тебе поклоняться, а я не могу?! Да?! И где справедливость?!!

– !!!!!

– Ну, хватит уже! Уймись, уроды! Не вижу ничего смешного! – негодовал Хельги. – Всегда вы так! От вас ждешь сочувствия и сострадания, а вы – как лошади!

Его не слушали – визжали, стонали, изнемогли от смеха. Даже воспитанный, возвышенный эльф вел себя ничуть не лучше других, вот что самое обидное!

– Напрасно мы веселимся! – всхлипнул Аолен, отсмеявшись. – Хельги в самом деле могучий демон.

– Но не убийца же! Зачем меня убийцей обозвали? Опозорили на весь свет... И заметьте, ничего позитивного! О спасении мира – ни слова! Сплошная Ирракшана и прочие страсти. Моджахедов приплели... Энка, твой Вампир свободен?

– Свободен. Ампир. А куда это ты собрался?

– В Конвелл. Справочник издали в Конвелле. Узнаю, где искать Августа, найду и убью. Жестоко и кроваво. Чтобы другим было неповадно клеветать на бедных мирных демонов.

– Надеешься таким образом доказать, что не являешься демоном-убийцей? – усмехнулся Аолен.

Хельги притормозил уже у порога.

– Да. Нелогично. Ну хорошо, не стану его убивать... Но по крайней мере скажу все, что о нем думаю!

– Подожди! Я с тобой! – вскочил с места Рагнар. – Мне интересно.

Остальным тоже было интересно. Но число посадочных мест на грифоне резко ограничено, а Рагнар настаивал на своем праве первенства, сколько Энка ни спорила, ни доказывала, что вместо него одного смогут усесться на грифоне еще двое.

Впрочем, путешествие пришлось отсрочить. Рассудительная Меридит заметила, что, если они двинутся в путь прямо сейчас, в Конвелле окажутся поздним вечером, надо будет где-то переждать ночь. Никакого смысла. Куда разумнее завтра утром зайти на кафедру, отпроситься на день-другой и отправиться со спокойной душой.

Меридит наивно предполагала, что за ночь страсти поулягутся, и жажда мести Хельги уменьшится до разумных пределов. Но вышло все совсем наоборот.

Удивительно, но к утру новость уже успела распространиться по всему университету. Казалось бы, культурное, просвещенное общество, а сплетни разлетаются, будто в дремучей деревне!

Хельги спиной ощущал на себе косые взгляды. А иные и вовсе шарахались от него, как от привидения или прокаженного. Профессор Донаван вместо приветствия вручил ему злополучный справочник и карандаш.

– Вот. Возьмите и подчеркните то, что соответствует действительности, – велел он.

Яростно нажимая на карандаш, Хельги подчеркнул собственное имя. Потом тоскливо взглянул на профессора, вздохнул и еле заметной линией обвел абзац с Ирракшаной. Ему было стыдно до слез. Понятно, что его отношение к Бандароку Августусу не стало более снисходительным.

Наверное, Вампир тоже был в курсе, что имеет дело с демоном-убийцей. Он не стал упрямиться (четверть часа – не в счет) и домчал седоков до Конвелла с рекордной скоростью. Рагнара даже укачало в полете, он уж и не рад был, что напросился.

В Конвелле Хельги повел себя коварно. Купил в первой попавшейся торговой лавке эльфийский плащ – девственно розовый, шелковистый, с большим капюшоном, нарядился, придал физиономии благостное выражение и в таком виде появился в Издательский дом с расспросами. Как и во всем Староземье, после войны люди в Конвелле всеми силами демонстрировали свою лояльность по отношению к эльфам. Переодетому Хельги не только сообщили адрес Августуса, но даже предложили провожатого, от услуг которого ему пришлось долго вежливо отказываться.

...– Да-а! – глубокомысленно заявил Рагнар. – Конвелл – не то место, где можно разбогатеть, занимаясь наукой!

Хельги согласно кивнул. Жилище Бандароха Августуса больше всего напоминало ему то самое пристанище, где прошли его собственные студенческие годы. Это была крошечная комнатуха на чердаке, узкая и полутемная. Единственное слепое окошко было затянуто не то пластинками слюды, не то и вовсе бычьим пузырем. По углам водились крупные пауки. Вокруг продавленного топчана громоздились пыльные пирамиды книг и рукописей. С потолочного крюка, предназначенного для лампы, свисало странное конусовидное сооружение из старых газет. Оказалось, что это – задрапированная от пыли парадная мантия ученого, а вовсе не удавленник, как поначалу показалось Рагнару. Кроме того, в доме имелись разношенные шлепанцы, табурет, маленький дорожный сундук с выцарапанной на крышке голой женщиной, сальная свеча в стакане с песком вместо подсвечника, дорогая бронзовая чернильница в виде черепахи, – и все.

Рагнар горестно вздохнул, поглядывая на выбитую дверь: нелегко будет бедняге обзавестись новым замком. Ему, видать, и на хлеб-то едва хватает. Хельги перехватил взгляд рыцаря.

– Ничего, – сказал он мрачно, – замок ему больше не понадобится. Он скоро переедет жить в приют для инвалидов.

– Замок? – не понял Рагнар.

– Бандарох.

– А ты откуда знаешь?

– Оттуда. После того как я с ним... гм... побеседую, ему волей-неволей придется переселиться в приют для инвалидов, не сомневайся.

В этот момент с лестницы донеслись звуки шагов. Мелкие, торопливые, чуть пришаркивающие шаги человека, обутого в тапочки. Хельги кивком велел рыцарю встать у двери, сам шагнул в глубь комнаты, в темный угол. Теперь только желтые светящиеся глаза выдавали его присутствие. Рагнар тихо свистнул, предупреждая провёл ладонью по лицу. Глаза погасли.

Послышался звон ключей, потом тихий вскрик: «Ай! Ай-ай!» – Хозяин обнаружил взлом. Медленно, с истошным скрипом приотворилась дверь, в нее просунулся острый носик.

– Эй! Кто здесь?! Эй, я стражу позову...

Взломщики затаились.

Пересиливая страх, Бандарох Августус шагнул в комнату... И ловушка захлопнулась.

По документам – позднее Хельги убедился лично – Бандарох Августус числился человеком. Но поверить в это было трудно. Внешне чудное создание походило на немыслимую помесь горного эльфа с домовым гоблином. Или с кем-то вроде лепреккона. Хрупкое до прозрачности, низкорослое, чуть кривоногое, с жиденькими серебристыми волосёнками и огромными, прекрасными, выразительными глазами, не то эльфийскими, не то коровьими, совершенно лишними на маленьком птичьем личике – такое оно было.

Августус в смятении озибался. После яркого дневного света он не мог толком разглядеть непрошенных гостей в чердачном сумраке, поэтому не сразу осознал всю серьёзность ситуации и не сразу утратил присутствие духа.

– Вы кто? – воинственно пискнул он. – Как посмели вы нарушить неприкосновенность жилища? Вы грабители, да? А знаете ли, что я – магистр демонологии, действительный член Королевского общества магов и демологов, кандидат в члены Верховной Коллегии магов Бандарох Августус собственной персоной? И горе вам...

– А я – Ингрем Хельги, могущественнейший и опаснейший из современных демонов-убийц! – перебил его Хельги, выступая из тени.

Августус отпрянул.

– Э... Это такая шутка, да? Это плохая шутка...

– Какая там шутка! – Демон в два шага настиг жертву и уцепил когтями за шиворот. – Хельги Ингрем, собственной персоной! Можешь не сомневаться.

Рагнар смотрел на злорадно оскалившуюся физиономию Хельги, озаренную красным светом, струящимся из глаз, и ему самому становилось жутковато. Чего уж говорить о бедном Бандарохе? Колени ученого подогнулись, тельце беспомощно обвисло. Но дух еще не был окончательно сломлен!

– Вы... вы не очень-то п... похожи на демона-убийцу, – пролепетал он. – Р... размеры не те... И вообще...

– Неужели? – с наигранным удивлением воскликнул Хельги. – Не похож на демона-убийцу? Нисколько?

– Нисколько! – согласно кивнул Бандарох. С перепугу он и сам не понимал, что и зачем несет. – Ничутьточки!

– Ах, ничуточки?! Тогда кто дал право тебе... – Голос Хельги гремел, он тряс жертву за шиворот так, что у нее лязгали зубы. – Кто дал тебе право позорить меня на все Староземье, обзывать демон знает чем, если ты сам признаешь, что на демона-убийцу я не похож? Отвечай!

Но Бандарох Августус отвечать не мог. Он пребывал в глубоком обмороке.

Рагнар счел своим рыцарским долгом вмешаться.

– Хельги, ну все, хватит. Ты же обещал не убивать его... смотри, он уже еле дышит! Ты его до смерти перепугал!

– Ничего! Потерпит. Я еще даже бить не начал.

– Силы Великие, Хельги! Неужели ты станешь бить это... этого...

– А может, и не стану, – неожиданно миролюбиво согласился Хельги. – Какой-то он жалкий... Интересно, эльфы скрещиваются с домовыми гоблинами?

Озадаченный таким переходом, Рагнар только крикнул и не нашел, что сказать. А Хельги швырнул магистра демонологии на топчан и уселся рядом.

– Если хочешь, можешь побрызгать на него водой. Или сожги под носом перышко, говорят, это помогает при обмороках.

Рагнар так и поступил. Помогло. Спустя некоторое время.

Синеватые веки дрогнули, острый носик сморщился, Бандарох чихнул и рывком сел, дико озираясь. Над ним склонялся огромный, страшный – но человек!

– В-видели? – заикаясь, выговорил магистр. – Д-демо-на видели?

– Видел, – охотно подтвердил Рагнар, – вон он, в книгах копается.

– Ерунда, – откликнулся Хельги из угла, – сплошная магическая рухлядь. Макулатура!

– Это раритеты! – возмущенно возопил Августус, секунду назад еле живой. – Ценнейшие прижизненные издания! Настоящий пергамент, между прочим! «Макулатура»! Подумайте, какое невежество...

– А вот если я кое-кого убью, то «Новейший и полнейший демонологический словарь» тоже станет ценнейшим прижизненным изданием, – мстительно заметил Хельги.

Августус рухнул на подушку, закатил глаза. Рагнар принялся обмахивать его газеткой, попутно читая Хельги нотации о том, что благородные существа, ведущие ученый спор, не должны использовать в качестве аргумента свое физическое превосходство и опускаться до примитивных угроз.

– У нас не ученый спор, а я – не благородное существо, – возразил Хельги. – Оставь в покое холодное тело, иди сюда. Покажу кое-что интересное.

Демон разложил на коленях огромный ветхий манускрипт. Рагнар без всякого увлечения взглянул на потемневшие страницы, испещренные неровными выцветшими письменами. Ничего интересного он в них не находил. Весь минувший год наследник Оттонского престола посвятил борьбе с собственной неграмотностью и преуспел настолько, что теперь мог громко, с выражением читать рунное письмо и умел красиво начертать собственное имя. Он уже успел продемонстрировать свои успехи товарищам по спасению мира, – те были в восторге. Но сейчас от его учености проку не вышло – текст оказался неруническим.

– Это мертвый язык латен, – пояснил Хельги. – Смотри: «Проприа кульпа... фати ирэ... бэллум... мори попули... эст дэлендам... перикулюм ин кауда...»

– Я ничего не понял, – сообщил Рагнар, – нельзя ли по-староземски?

– Нельзя. Я не знаю латен.

– Тогда в чем тут интерес, если мы оба ничего не понимаем?

– Вот в этой гравюре. – Хельги перевернул страницу.

Рагнар внимательно рассматривал картинку: единорог, птица с хищным клювом, колона в обрамлении еловых ветвей. Так себе нарисовано...

– Неудачная, – заключил он, – качество плохое, нечеткая. Никакой красоты.

– Тоже мне, эстет! – фыркнул Хельги. – Причем тут красота? Не видишь разве, это тот самый герб, что на тубусе из клада! А в тексте речь идет о чьей-то вине, о гнев Судьбы, о войне, разрушении и гибели народа. И еще об опасности в хвосте.

– В каком хвосте? – удивился Рагнар.

– Понятия не имею! Какие попались знакомые слова – я прочитал, а больше ничего не знаю. Ты вот что... Реанимируй-ка наше чудо природы, пусть он переведет. Неохота тащить этакую тяжесть в Уэллендорф.

– Что сделать с чудом природы? – уточнил рыцарь.

– Привести в чувство.

– Так бы сразу и говорил, чем голову морочить.

– Извини. Меня заклинило на латен. Наскунтур поэтэ, фиунт ораторэс.¹

Рагнар плюнул, махнул рукой и занялся Бандарохом. Растолкал кое-как, реанимировал. Как раз вовремя, ибо дальнейшие события развивались неожиданно и крайне динамично.

Злополучная дверь распахнулась с такой силой, что врезалась в стену и повисла на одной петле. Что-то черное, стремительное ворвалось в каморку...

– Мамочки мои! – ахнул Хельги, выхватывая меч.

К тому моменту, когда Рагнар успел обнажить свое оружие, интерьер уже украсился обезглавленным трупом.

– Наемный убийца! – нервно прокомментировал демон. Правой рукой он вцепился в левое плечо, между пальцами струилась кровь.

– Давай завяжу, – предложил Рагнар, – у меня тряпочка есть.

– Некогда! Сейчас второй явится. Они всегда ходят парами.

Второй не заставил себя ждать. Сражался он яростно и умело, хотя и уступал Рагнару в силе, но гораздо лучше владел техникой боя в замкнутом пространстве, был увертлив и коварен. Неизвестно, чем завершилось бы сражение, не вмешайся в него Хельги. Метательный нож описал красивую дугу и впился точно промеж глаз убийцы.

– Ты не должен был так поступать! – укорил Рагнар, перетягивая тряпочкой окровавленное бедро. – Это был мой противник.

– Ерунда! Мы не на рыцарском турнире. Слышишь – бегут по лестнице!

Рагнар выскочил на площадку, перевесившись через перила, заглянул вниз.

– Силы Стихий!!! Да тут человек десять! Какого демона?!

– Бежим! Хватай Бандароха – и на крышу! С десятком нам не справиться!

– Книги! Мои книги! – Трепыхался магистр в мощных объятиях Рагнара.

– Спятил? Какие книги – шас зарежут! Хельги, что ты возишься?!

Хельги судорожно искал среди книжных развалов латенский манускрипт.

– Чернильница!!! – завопил магистр истошно. – Без нее не пойду!!! А-а-а!!!

Рагнар в остервенении схватил чернильницу, сунул в дрожащие руки ученого, схватил большую книгу, вручил Хельги и выпихнул обоих на чердак.

Очень нелегко спастись от погони с таким грузом, как брыкающийся магистр демонологии, тяжеленный средневековый фолиант и литрового объема бронзовая черепаха-непроливайка. Преследователи двигались по кроваво-чернильному следу, дыша в затылок. Счет шел на мгновения...

К чести Вампира, тот прекрасно понимал, когда можно кобениться, а когда нельзя. Ни секунды не промедлив, грифон взмыл над крышей, безропотно унося троих седоков и поклажу. Вслед им свистели стрелы, но поздно. Черная крылатая тень растаяла в облаках.

¹ Поэтами рождаются, ораторами становятся

– Силы Великие! – всплеснула руками Энка. – Вы что, чернильную мануфактуру грабили? Хельги, это же были новые штаны!

– К демону штаны! Я сейчас кровью истеку. Дайте кто-нибудь тряпочку, ради всех богов! И вот этого отмойте. – Он за шиворот выдвинул вперед магистра с чернильницей.

– Фу-у! В чем это он? – брезгливо сморщилась Ильза. – Так кисло воняет.

– А ты как думаешь, в чем? Укачало его на грифоне... Осторожно, в ней еще полно чернил! Они не сразу выливаются, конструкция такая.

– Может, сперва объясните, кто это? – сурово спросила диса. – Непривычно как-то незнакомых дядек отмывать.

– Бандарох Августус, разумеется, – с раздражением ответил демон. – Собственной персоной.

Магистр вежливо шаркнул ножкой.

– Зачем вы его приволокли? – наседали девицы.

– Давайте все вопросы потом, а? – вконец разозлился Хельги. – Сперва разберемся с чернилами и прочими жидкими субстанциями. Есть в этом доме тряпки? Почистит нас кто-нибудь?

– Нет, вы посмотрите на них! – возмутилась сильфида. – Шляются демон знает где, заявляются демон знает в каком виде, с мерзким обрыгавшимся типом в придачу, уделывают весь пол чернилами, а мы их обслуживай! Жидкие субстанции у них!

– Это она еще грифона не видела! – в смятении шепнул Рагнар на ухо Хельги. Скандал назревал грандиозный. Но тут Хельги побледнел, покачнулся, привалился к стене, и сразу же нашлись и тряпочки, и чистая рубашечка, и плевать на штаны, новые купим, не расстраивайся!

Наконец все кое-как утряслось.

Пришел из библиотеки Аолен, исцелил раны. Ильза ножом отскоблила чернильные следы с полов, Эдуард сгонял в лавку за новой одеждой, Энка привела в божеский вид грифона, Мери-дит – Бандароха Августуса, Орвуд исчерпал запасы ехидства. Потом Рагнар, за год изрядно поднаторевший в ораторском искусстве, дал красочное описание происшествия в Конвелле. Хельги скромно отмалчивался.

– Одного не понимаю, – говорила Энка, – вы отправились в Конвелл, чтобы убить Августуса. С какой же радости стали его спасать, причем ценой собственной крови?

– Ну... так получилось. Нечаянно, – потупившись, отвечал Хельги.

Он чувствовал себя довольно глупо.

– А чернильница, чернильница зачем вам понадобилась? – не переставал удивляться Эдуард. – На них убийцы нападают, а они с чернилами бегают! Вот психи!

– Мы виноваты, что этот Августус не пожелал с ней расстаться? – проворчал в ответ рыцарь. – Визжал как резаный... Хельги, ты уйми своего ученика, он совсем распустился. Далась всем эта чернильница!

Бандарох слушал и только крепче прижимал к груди свое бронзовое сокровище.

– Думай! – велел Хельги. – Вспоминай, кого еще, кроме меня, ты оболгал и оскорбил настолько, что несчастный был вынужден обратиться к убийцам?

Августус вздернул носик с надменностью, совершенно неуместной в его положении:

– Я никого не оскорблял, лишь констатировал непреложные факты.

– По-твоему, непреложный факт, что я – демон-убийца? – Глаза Хельги нехорошо вспыхнули.

– Разумеется! Это же простое логическое построение. Чужие сущности поглощают только демоны-убийцы. Хельги Ингрем способен поглощать чужие сущности. Вывод: он – демон-убийца.

– Глупости! Демоны-убийцы *питаются* чужими сущностями. А я один раз в жизни, нечаянно, с перепугу проглотил – до сих пор тошнит, как вспомню!

– Не имеет значения. Вы способны ими питаться – вот главное!

– Как это – не имеет значения? А если, например, человек ест яблоко и случайно проглотит червяка – следует вывод, что люди способны питаться червями? Так, по-вашему?

– Хватит софистику разводить! – потеряла терпение Меридит. – Разве нету вопросов поважнее? Мне, к примеру, непонятно, зачем против одного-единственного паршивого... – Аолен сделал страшные глаза, но Меридит не смутилась, она была обижена за любимого брата по оружию. – Как есть, так говорю! Против одного-единственного паршивого ученого выставили целый десяток наемных убийц – к чему? Это же какие деньги! Одной пары за глаза хватило бы.

– А может, знали, что не один будет? – радостно предположила Энка.

– Откуда? Мы сами не предполагали, что там окажемся!

– А пророчества на что? Нам не впервой в пророчества попадать. Мы еще ни сном ни духом, а в какой-нибудь древней книге давным-давно прописано: «...и да устремятся в день оный злой демон со товарищем рыцарем во град Конвелл, дабы известить постылого магистра Августуса...»

– Ну, это уже паранойя, – заявил Хельги. – Пророчества никогда не бывают такими точными. Просто Августус – не обычный ученый, а маг. Против могущественных магов всегда ходят толпой, иначе с ними не справиться.

– Не слишком твой Августус похож на могущественного мага.

– Я кандидат в Верховную Коллегию! – обиженно встрял Августус.

Хельги взглянул на него через Астрал, но особого могущества действительно не узрел. Да, убийцы явно перестраховались. Если только...

– Если только это были убийцы! – сказал он вслух.

– А кто же?!

– Кто-то переодетый наемными убийцами. Мне сразу показалось странным, что они среди бела дня вышли на работу в полной ночной маскировке, как придурки. Днем для убийц главное – не выделяться из толпы, а эти будто нарочно проафишировались.

– Слушай, почему ты так много смыслишь в наемных убийцах? – заинтересовался Орвуд. – Это настораживает.

– Один мой знакомый перешел в Кансалонскую гильдию из убийц. Однажды он напился и разоткровенничался.

– Это Бунандер, что ли? – скривилась Меридит. – Нашел с кем пить!

– Я с ним не пил, просто случайно оказался рядом в нужный момент.

– Ну и знакомства у вас, – присвистнул Орвуд, – некроманты, наемные убийцы...

– Гномы опять же... – ядовито подхватила Энка. Ильза хихикнула.

– Вернемся к нашей теме! – воззвал эльф.

К теме вернулись, но так ни до чего не договорились. Августус решительно не представлял, что за врагов себе нажил и какими судьбами. Он клятвенно заверял, будто Хельги был единственным дополнением в справочнике, и больше ничего путного сказать не мог. Бурные события минувшего дня ввергли мирного кабинетного ученого в состояние прострации, он еще не успел осознать всю серьезность происходящего, не понимал, в какую беду попал. Отчаявшись добиться от него толку, Меридит с Аоленом уложили магистра в ванне на одеяле.

Убедившись, что тот заснул, приступили к изучению манускрипта. Но и тут их ждало разочарование. Это оказалась *не та* книга. Похожая, очень похожая, но в ней не было ни герба с единорогом, ни текста про опасности в хвосте.

Рыцарь второпях перепутал обложки...

– А все ты! «Что возишься, что возишься!» – Хельги бессовестно срывал досаду на Рагнаре. – В руках держали разгадку! Из-за тебя упустили!

– Подумаешь! Завтра слетаем и обменяем, – утешил его нисколько не обескураженный рыцарь.

– А если там засада?

– Пробьемся как-нибудь. Не впервой.

На том и порешили.

Наутро Бандарох Августус категорически потребовал взять его в Конвелл. Рагнар и слышать ничего не хотел – зачем им в бою такая обуза? Но неожиданно вступился Хельги.

– Пусть сам за себя решает, не маленький. В конце концов, это же его книги... Только возьми на кухне мешочек от крупы – вдруг опять укачает. И не обессудь, если тебя все-таки убьют.

– Похоже, именно на это ты и рассчитываешь! – цинично фыркнул гном.

Засады в квартире Бандароха не было. Книг – тоже. Ни единой.

Из всей скудной обстановки магистрова жилища сохранились лишь старые шлепанцы, они сиротливо стояли у порога, рядом валялись стельки и помпоны, вырванные с мясом.

– Вчерась вывезли! – охотно рассказывал дворовый мальчишка, невероятно лопоухий и замызганный, с зеленой соплей под веснушчатым носом. – Подкатали телегу, загрузили – и с приветом. Не иначе за долги. Вот когда мой папанька в кости продулся...

– Какие долги?! – взвизгнул Августус. – Не было у меня долгов! Кто вывез, говори!!! – Он схватил мальчишку за плечи, тряхнул.

– А я почему знаю?! – возмутился тот. – Они мне ксивы не казали, я твоему бараклу не стражник. Я на липе сидел, видел издаля, и все. Другой бы спасибо сказал, а энтот трясет... Шас как пину!

Хельги за шкирки растащил собеседников.

– Можешь сказать, как они выглядели? Люди, нелюди? Во что одеты?

– Ничего больше не скажу! – надулся ребенок. – Нету от вас благодарности.

– Вот тебе благодарность. – Демон вручил ему медяк.

Ребенок сменил гнев на милость, но знал он немного. Грабители были людьми, а может, и не были. Под купюшонами не видно. А купюшоны какие? Зеленые. Вроде военные, как у стражников, только без значков. А штаны черные. И сапоги черные. И морды тоже черные. Точно, черные, зуб даю! А может, и вообще морд не было, вот так-то!

Августус был безутешен. Пропали его книги! Его драгоценные манускрипты похищены! Он жил в трущобах, ходил в рубище, питался отбросами, трудился как сехальский раб, отказывал себе в насущном, – все ради них, любимых! А теперь их нет! О горе, горе!

У Хельги даже в носу заципало от сострадания.

Но вспомнились косые пропыленные пирамиды, обтрепанные обложки в пятнах свечного сала, сухие тараканы между страниц – и жалость поутихла.

Нет, цивилизованные существа так с книгами не поступают! Вот он, Хельги, пусть и не отказывает себе в самом необходимом, и редких книг у него не так много, зато все они чистенькие, аккуратные, обернуты в красивую синюю бумагу, сложены ровненько, и не дайте боги Ильзе с Эдуардом схватить их немытыми руками! Если уж ты приобрел ценную книгу – обращайся с ней соответственно. Она не одному тебе принадлежит, а всей мировой культуре, и твой долг – сберечь ее для потомков в надлежащем виде...

– Помешались вы на этих книгах, – рассердился Рагнар, – вас послушать, так грабители специально ради них все дело затеяли!

– А ради чего же? – удивился Хельги. – Что еще возьмешь с Августуса?

– Знаешь, я давно заметил: когда ты думаешь о науке и всяких ученых штуках, вроде книг, здравый смысл тебе совершенно отказывает! Если грабителям нужны были одни книги, зачем уволокли топчан и сундук? И свечку в стакане? И парадную хламиду?

– Мантию.

– Ну мантию. И тапочки зачем распотрошили? Стельки выдраны, помпоны выдраны – зачем? Что скажешь?

Хельги вздохнул – к нему вернулся здравый смысл.

– Скажу, что искали нечто маленькое, и, скорее всего, даже сами не знали, что именно. Эй, Августус! Было у тебя нечто маленькое, но страшно ценное?

– Нет! – На сморщенном от горя личике магистра отразилось искреннее недоумение. – Книги – мое единственное достояние... было.

Хельги смотрел на него с подозрением:

– А чернильница? Почему ты в нее вцепился, как в родную?

Но Августус не смутился:

– Чернильница – наша семейная реликвия, своего рода талисман. Она дорога мне как память, и только. Конечно, – оговорился он, – она и в самом деле стоит недешево: эпоха Старых Царств, ювелирная работа, оригинальная конструкция, но не настолько, чтобы ради нее устраивать такое ограбление. Большинство моих книг было куда дороже. Горе мне, горе! Демон бы подобрал этих гра... Демон? Демон!!!

Этот эпизод был одним из самых неприятных в жизни Хельги.

Бандарох Августус, позабыв всю свою ученую гордость, принялся униженно молить могучего демона Ингрема покарать похитителей и вернуть похищенную литературу. Он рыдал, падал на колени, порывался целовать ноги, он сулил жертвы – богатые, кровавые, какие угодно, пусть только великий демон смирится и поможет ему! Отвратительная вышла сцена!

Несчастному Хельги стоило огромного труда втолковать почти утратившему рассудок магистру, что помочь его горю он не в состоянии, как бы сам того ни желал, ибо проявления его грозной демонической сущности разуму практически неподконтрольны и обладают непредсказуемым, чаще всего разрушительным эффектом. Самое большее, что он мог сделать, это попытаться проклясть грабителей: чтоб им окосеть, облысеть и охрометь одновременно.

– Если работает, мы, по крайней мере, сможем их опознать, – пояснил Хельги.

На этом они, расстроенные, взбудораженные, покинули Конвелл и двинулись в обратный путь. Во время короткой посадки Хельги стал выпрашивать Августуса про утраченный латенский манускрипт, но тот приобрел его буквально накануне, даже просмотреть толком не успел.

Поистине, это был день разочарований.

Сразу по прибытии Хельги для очистки совести внимательно изучил чернильницу – не очень-то он доверял Августусу. Конструкция ее в самом деле была оригинальной, во всяком случае, ничего подобного он раньше не встречал, хотя имел дело с кучей разнообразных чернильниц.

Мало того что емкость имела совершенно ненормальный для чернильниц литровый объем, – она вдобавок была оснащена хитрым механизмом: внутри корпуса в виде черепахи помещалось второе дно. Оно поднималось вверх на манер поршня, повышая уровень жидкости, до тех пор, пока не упиралось в воронку наливного отверстия. Подъемным рычажком служила голова, на нее надо было нажимать.

Художественное оформление сосуда тоже заслуживало внимания. Черепаха была выполнена ювелирно, все детали мастер проработал с анатомической точностью, вплоть до коготков, чешуек и наружных копулятивных придатков. Но половую принадлежность изображенного существа Хельги определить не смог.

В свое время профессор Донаван посвятил не менее получаса учебного времени строению органов размножения черепах. Он рисовал на доске схемы, демонстрировал гипсовую модель, но Хельги так и не уяснил до конца, как же все-таки удается спариваться этим законным в панцири животным. Он хорошо запомнил, что, в отличие от всех остальных, наружные копулятивные органы имеются как у самцов, так и у самок черепах. А вот у кого какие – забыл. Ну и ладно. Не на экзамене...

Он подергал черепаший лапы и хвост в надежде обнаружить тайник, пошарил пальцем внутри, под ободком, потряс – не загремит ли? Потыкал карандашом в халцедоновые глазки – все безрезультатно. Похоже, никаких секретов чернильница не скрывала.

Тогда он взглянул на нее через Астрал – и чуть не выронил. Магии в бронзовой штучке содержалось побольше, чем в самом Бандарохе Августусе! От необычного для Астрала ярко-малинового клубка отходила длинная нить, таяла далеко в пространстве. Собственно, это был самый сильный магический предмет, увиденный им в Астрале.

Демон с опаской поставил черепаху на стол, а сам пошел в ванную – ему вдруг захотелось помыть руки. В душе его крепло убеждение, что изначально данный сосуд предназначался вовсе не для чернил. А для чего? Пожалуй, стоило порасспросить владельца, но Хельги почему-то не стал. И вообще, о своем астральном открытии он сказал одной Меридит, хотя не в его привычках было заводить тайны от друзей.

Всю следующую неделю демону, дисе и сильфиде было не до кладов, реликвий и тайн – пришла пора защиты диссертаций.

Меридит ходила бледная и мрачная, судорожно переписывала какие-то страницы, Энка взвизгивала и брыкалась во сне – ее мучил кошмар, будто Рагнар полил соусом и съел все ее чертежи. Один Хельги пребывал в настроении безмятежном.

– Неужели ты не боишься? – приставала Энка. – Скажи честно.

Хельги только фыркал. Подумаешь, диссертация! Это не теоретическую магию мэтру Перегрину сдавать!

Страхи девиц тоже оказались напрасными. Защитились они пусть и не столь триумфально, как Хельги со своими драконами, но тоже вполне благополучно. Даже чертежи сильфиды, несмотря на дурные сны, были в полном порядке.

И вот, вечером двадцатого мая друзья поздравляли свежеиспеченных магистров с присвоением ученой степени. По этому случаю Ильза испекла пирог с тыквой и поджарила вкусные колбаски, Рагнар притащил бочонок лучшего пива, а Аолен обещал спеть что-нибудь повеселее.

Ели, пили, пели, вспоминали прошлогодние приключения – по прошествии времени даже самые страшные из них почему-то казались забавными. Да тут еще Хельги под общим натиском проболтался, каким образом обманул некроманта и выманил у него мешок с образцами, папоротником и разрыв-травой.

В общем, вечеринка удалась на славу. Правда, закончилась она несколько неожиданно, ну да им не привыкать.

– Я думаю, надо оставить Августусу кусок пирога, – заметила Энка. – Я отнесу, пусть тоже празднует.

Поскольку демонолог был личностью замкнутой и не привык жить в компании восьми довольно шумных существ, половина из которых (Хельги, Меридит, Ильза и Эдуард) относилась к нему не слишком доброжелательно, а о возвращении в Конвелл речи не шло (как знать, нашли ли грабители искомое и что намерены предпринять дальше), Рагнар, который по благородству натуры считал себя обязанным опекать Бандароха, снял для него комнатку в доме напротив – маленькую, но уютную, со всей обстановкой. И денег выделил, на питание. Авгу-

стус принимал его заботу как должное и даже не думал благодарить, но рыцарь снисходительно оправдывал невежу, ссылаясь на пережитые им потрясения и временное слабоумие.

Наверное, он был прав, но Ильза все равно злилась. И делиться с Августусом пирогом не желала. Пусть лучше Хельги доест. Тот ответил, что и рад бы, да некуда. Разве что завтра утром...

– Завтра он будет не такой свежий, – возразила Энка, – нечего жадничать, и так одна корка осталась.

– Ладно, – махнула рукой Ильза, – неси. Я утром испеку кекс с цукатами, маленький, чтоб ему не досталось.

На том и порешили. И сильфида удалилась.

Вернулась она не сразу, вместе с пирогом и в странном настроении: похоже, Энка злилась и веселилась одновременно.

– Идите! – велела она. – Может, у вас получится. Мне не удалось.

– Что получится? – удивилась диса.

– Увидишь. Идем.

– Ну и зачем ты нас привела? – осведомилась Меридит, морщась: в комнате пахло резко и неприятно. – Что мы здесь забыли? И где, собственно, Августус?

– Не видишь? – хихикнула Энка. – Вот же он!

– Где? – Рагнар обеспокоено шагнул в комнату.

– Осторожнее! Раздавишь! – завопила сильфида.

– Кого?!

– Августуса!

– Да где он, демон побери?!

– Под ноги посмотри!

Рагнар посмотрел под ноги и увидел.

В красивой новой тапочке с помпоном, пригорюнившись, сидел Бандарох Августус собственной персоной, босой на одну ногу. Размером он был как раз с помпон.

– Может, вы сумеете его увеличить, – сказала Энка безнадежно. – У меня ничего не вышло.

Меридит недолго думая пересадила Августуса из тапочки на стол и потребовала объяснений. Пронзительно-писклявым голосом Августус поведал свою историю.

За неделю его временное слабоумие понемногу отступило, и он наконец осознал всю серьезность своего положения: неведомый враг смертельно опасен, а новые знакомые вряд ли станут защищать и опекать его всю оставшуюся жизнь. Нужно было подумать о самозащите. Собственные физические данные Августус оценивал трезво, понимал, что боец из него никакой – и домового гоблина не одолеет. И тогда он придумал: если не вышел силой, надо взять размерами – увеличить свои габариты раза в три-четыре, тогда его шансы против убийц возрастут пропорционально. Сказано – сделано.

Разумеется, в его расчеты не входило изображать ходячую каланчу постоянно, он собирался изготовить средство, позволяющее мгновенно увеличиться в нужный момент. Но свои магические возможности он переоценил. Трудно сказать, в чем он просчитался: выбрал не те компоненты для зелья, неправильно составил заклинание или допустил иную оплошность, но вместо того чтобы увеличиться, горемычный маг уменьшился, и не в три-четыре раза, а радикально. Из-за неверных исходных данных контрзаклинания, естественно, не действовали. И вот вам результат.

Не менее часа Аолен, более других смыслящий в магии, пытался расколдовать несчастного. Увы, успеха не достиг.

– Давай теперь ты, – подпихнул Орвуд Хельги. – Ты как-никак демон.

– Ох, нет! – Демон попятился к двери. – Не стану! Я и на трезвую голову в магии не силен, а уж в пьяном виде...

– Какой пьяный вид? – возмутилась Энка. – Хельги, чего ты придуриваешься? Ты выпил полтора стакана пива, я же видела!

– В пьяном, – настаивал тот, – у меня в крови есть алкоголь, пусть и немного. Кто-нибудь изучал влияние малых доз алкоголя на демонов-убийц? А вдруг я все Староземье порушу? И вообще...

Что именно «вообще», они так и не узнали, пришлось утешать рыдающего в голос крошку Августуса.

– Не реви, – уговаривала его Энка, – сейчас отнесем тебя к профессору Перегрину, он у нас почти что Великий, действительный член Верховной Коллегии.

Августус побледнел: его ждал страшный позор. Но не оставаться же лилипутом на всю жизнь!

И вот Энка, Меридит и Хельги с Бандарохом в кармане побрели по сонным темным улицам к зданию университета.

– Он нас с лестницы спустит, – шипел Хельги. – Ночь уже! До утра подождать нельзя?

Сильфида была настроена беспечно.

– Не спустит, не трусь! Мы теперь личности уважаемые, нас нельзя с лестниц спускать... Давай стучи.

– Почему я-то? – возмутился Хельги;

– Ты самый трезвый. И вообще, мы – дамы!

– Силы Стихий! – всплеснул руками профессор, узрев на пороге бледного испуганного магистра Ингрема. – Неужели опять война?!

– Нет, что вы, – поспешно заверил тот. – Ничего подобного! Не сердитесь, пожалуйста, у нас такая беда... такой несчастный случай вышел! Только вы можете помочь. Пожалуйста!

Профессор вздохнул, взглянул на часы. Полпервого-ночи...

– Ну, хорошо, проходите. Не в коридоре же разговаривать. Что у вас?

– Вот.

Ингрем извлек из кармана бутылку с широким горлышком. Перегрин едва не вскрикнул от удивления: внутри бутылки на клочке ваты сидел, скрючившись, крошечный человечек в полосатом халате и одном шлепанце.

– Кто это?!!

– Магистр демонологии Бандарох Августус собственной персоной, – мрачно доложил Хельги. – Это он обозвал меня демоном-убийцей.

Человечек в бутылке вежливо шаркнул ножкой.

– Это вы его так? – сурово спросил профессор. – В отместку?

Ингрем попятился.

– Что вы! Я так не умею! Я вообще в магии не того... Редко пользуюсь.

Перегрин кивнул. Он достаточно хорошо знал Ингрема, чтобы понять: надумай тот мстить, избрал бы способ более грубый и примитивный, чем магическая трансформация.

– Это он сам. Хотел увеличиться, но что-то не сработало. Уменьшило и заклинило намертво. Ни туда, ни сюда.

Профессор безнадежно махнул рукой. «Не сработало! Заклинило!» И это говорит тот, кого обучали магии в лучшем университете Староземья! Потрясающе!.. Впрочем, невежество не помешало ему спасти мир.

– Хорошо, я постараюсь вам помочь. Подождите вот здесь, на диванчике.

Вот что значит настоящий специалист!

Спустя четверть часа из кабинета вышел чрезвычайно довольный собой профессор. Следом трусил розовый от стыда Августус, он скромно прикрывался тряпицей...

– Уж извините, одежду, как вы образно выражаетесь, «заклинило», – объявил мэтр Перегрин. – Необратимая искаженная трансформация. Вы, молодой человек, в каком заведении обучались?

– В Академии магии, в Конвелле, – пискнул Августус. – Я всегда был невысокого мнения о тамошней школе, – с удовлетворением отметил профессор.

Хельги торжествующе улыбался. Он чувствовал себя отомщенным.

На следующий день Энка погрузила на Ампира мешок, усадила сонного с похмелья Рагнара и отбыла в Оттон сдавать ценности на хранение.

Оставшиеся продолжили архивные изыскания, но тщетно. Вторая неделя подходила к концу, а к разгадке тайны они не приблизились ни на шаг. Воротившейся сильфиде не пришлось даже спрашивать, как дела – все было ясно по унылым физиономиям встречающих.

– Значит, надо отправляться в Трегерат, – решила девица.

– Не надо, – хмуро откликнулся Хельги. – Я говорил с одним типом из архива, он хотел написать монографию про наш замок, и тоже ничего не нашел. Ни у нас, ни в Трегерате.

– Может, плохо искал, – неуверенно предположил Рагнар.

– Он искал целый год, методично и планомерно.

– А вдруг он врет? – с надеждой предположила Энка. – Из страха конкуренции?

– Вообще-то он эльф.

Энка безнадежно вздохнула. Эльфы не лгут, это всем известно.

– Теперь на нас падет проклятие? – жалобно спрашивала Ильза. – Я боюсь!

Меридит была не склонна предаваться пессимизму.

– Не бойся, не падет! Завтра соберемся и пойдем за реликвией.

– Куда это, если не секрет? – осведомился Орвуд настороженно.

– А, куда глаза глядят! В смысле, куда Силы Судьбы укажут...

– Они, пожалуй, укажут! Знаю я их! – разозлился гном. – Опять полсвета напрасно обойдем, как в прошлый раз. А я уже не в том возрасте, чтобы зря ноги бить, они у меня не казенные.

– И что ты предлагаешь, – окрысилась Энка, – просиживать штаны до тех пор, пока не начнет действовать проклятие?

– Предлагаю расспросить очевидцев, – неожиданно спокойно ответил гном. – Наверняка там, где вы нашли клад, есть хоть немного призраков.

Честно говоря, идея Орвуда сама по себе очень дельная – удивительно, что она не пришла им в голову раньше, – энтузиазма ни у кого не вызвала. Призраки – не самые приятные собеседники. Никогда не знаешь, в какой момент им захочется тебя уничтожить. Это при условии, что они вообще явятся. А могут и проигнорировать, из вредности. Так и просидишь целую ночь в развалинах, как дурак. А в них ведь не одни призраки водятся. Синие огни и слепые карлики – тоже сомнительная компания. Опять же упырь может вылезти. Дурное там место.

Но все эти резонные доводы Орвуда не впечатлили.

– Не сахарные, не растаете, – безапелляционно заявил он. – Ради важного дела можно и потерпеть некоторые неудобства. И нечего время тянуть, прямо сегодня ночью и ступайте.

– Что значит «ступайте»? А ты?

– А я уже не в том возрасте, чтобы...

– Фигушки!!! – завопила Ильза из кухни. – Если идти, так всем вместе! И нечего про свой возраст болтать. У нас в школе учится гном, так он мне сам говорил, что вы, гномы, только после сорока лет считаетесь по-настоящему взрослыми! Отрастил бороду и думает, что все вокруг дураки! А сам – малолетка!

Из ванной послышалось не по-эльфийски ехидное хихиканье Аолена.

Хельги встал и молча побрел к выходу.

– Ты куда? – окликнули его.

– В библиотеку. Хочу почитать, как вызывают призраков.

Вызывать призраков не пришлось – сами явились. Белые, бесплотные тени скользили среди замшелых валунов. Временами они были размытыми и бесформенными, как ночной туман, временами оформлялись в почти реальные человеческие фигуры. Целый сонм привидений, колыхаясь, словно в такт неслышной музыке, кружил над развалинами.

– Ничего себе! – присвистнула Энка. – Праздник у них, что ли?

Меридит фыркнула:

– Ага! Свадьба. Или, может быть, похороны.

– Какие похороны у призраков? – не уловила иронии сильфида. – Они все давно... щас как дам!

– Подеритесь еще! – зашипел гном. – Спрашивайте, что надо, и пойдем домой! У меня уже вся борода отволгла!

– Эй! – замогильным шепотом окликнула Энка. – Эй, призраки! Привидения! Можно с вами побеседовать?

Но те, не обращая на нее никакого внимания, продолжали свой монотонный танец.

– Эй!!! – рявкнула девица во всю мощь своих легких. – Оглохли, что ли?!

Хельги болезненно поморщился. Он не выносил резких звуков.

– Не ори без толку! Им через защитный круг не слышно, у них природа другая.

– Ну так уберите круг! Не ночевать же тут, в самом деле!

Аолен хотел возразить, но не успел. К его ужасу, Хельги, ничтоже сумняшеся, в самом деле убрал круг! Впрочем, ничего рокового не произошло. Призраки далеко не сразу почтили своим вниманием непрошенных гостей. Энка успела потерять всякое терпение и уже собиралась швырять в «безмозглую нежить» камнями, когда одна из призрачных фигур наконец отделилась от общей массы, приблизилась, выросла втрое и приобрела вид длинноволосого, бородастого старца в длинных старомодных одеждах. Руки старца сковывали цепи, на ногах бряцали кандалы, голова едва держалась на перерубленной шее. Словом, это было типичное замковое привидение со всеми традиционными атрибутами. Хельги даже поморщился.

Призрак угрожающе навис над головами горе-кладоискателей, разверз черный провал беззубого рта.

– Горе, горе! – раздался голос, глухой, как из кобольдовой ямы. – Горе царству моему, горе моему народу! Горе, горе! Горе царству моему, горе моему народу! Горе, горе!.. – По всему было видно, что эта волынка надолго.

– Эй! – бесцеремонно прервала стоны старца сильфида. – Это твой клад мы нашли?

Призрак дернулся, будто от удара, воздел руки к небесам.

– Свершилось, – возликовал он гулко. – На вас уповаю! Сыщите, не то горе вам...

– Подожди уповать! Мы в твоём письме ни демона не разобрали. Чего именно надо сыскать? И где?

– На юге, – завывал призрак. – Ищите на юге! Коварный Мангоррат! Это он лишил нас ее, обрек на гибель! О горе, горе! Горе царству моему, горе моему народу... Сыщите...

– Что сыскать?!! – заорал Рагнар.

Но призрак не успел ответить. Откуда ни возьмись, среди полного штиля, налетел мощный порыв сухого пыльного ветра, разорвал в клочья, разбросал по полю беспомощные призрачные тела. Развалины опустели. Лишь неясный обрывок фразы достиг чутких ушей эльфа и сприггана: «...Опасность в хвосте! Помните!»

– Мангоррат, Мангоррат... – бормотала Энка. – Где-то слышала я это имя. Где же я слышала это имя?... О! Вспомнила! Это же памятник в Аполидии, в Альтеции. От борделя квартал вниз и направо.

– Что за памятник?

– Здоровущий старинный памятник. Толстый, одноглазый, лысый мужик держит в руках скорпиона. А перед ним из-под земли торчит какая-то рогулька с глазами.

– Скорпион жалит хвостом! – радостно сообщил Хельги. – Опасность в хвосте. Связь налицо!

– Чего радуешься? – недовольно пробурчал Орвуд. – Опять ничего толком не узнали: ни что искать, ни куда идти. Опять полсвета зря обойдем.

– Не полсвета, а всего одну восьмую, – заступился за Хельги Рагнар.

Орвуд воззрился на него непонимающе.

– Мы узнали, что искать надо на юге. Это одна четвертая от полсвета. То есть одна восьмая от целого, – пояснил рыцарь. И не удержался, чтобы не похвастаться: – Я теперь знаю все четыре действия и дроби!

– Еще одна жертва образования! – Безданно махнул рукой гном.

Ближе к вечеру отоспавшаяся после ночных визитов компания начала собираться на юг. Приятели закупили провизию, точили оружие, паковали мешки. Все, кроме сильфиды.

– Складывайтесь без меня. Я должна пойти попрощаться с Кретаки, – заявила та.

– Кто такой Кретаки? – заинтересовалась Ильза.

– Ее кавалер, – пояснила Меридит скептически. – Четвертый. Мы с Хельги его не одобряем.

Энка пренебрежительно фыркнула:

– Подумаешь! Вы никогда моих поклонников не одобряете.

– Неправда. Мы одобряли второго, Форсиуса.

– Да? Тогда зачем вы спустили его с лестницы?

– Мы не спускали его с лестницы, – скужающим голосом пояснила дуса. – Он сам упал.

– Если бы Хельги не отрастил волчью голову и не выскочил на лестницу, он бы не упал.

– Мы услышали незнакомые шаги, думали, это соседи снизу идут ругаться, хотели их напугать, только и всего. Просто твой Форсиус оказался слишком слабонервным.

– Понятно. Форсиус слабонервный, Боом – тупой, Эллад – зануда. Чем вас не устраивает Кретаки?

– Ногами.

– Ноги как ноги.

– Ужасные ноги! Брр! Надеюсь, у тебя с ним ничего серьезного не было?

– Допустим, не было. Но ноги тут ни при чем.

– А что у него с ногами? – любопытствовал Эдуард. – Он хромой?

– Нет. Козлоногий.

– Как это?!

– Ноги как у козла.

– В смысле мохнатые? С копытами?!

– Вот именно.

Энка сердито засопела:

– Нечего шовинизм разводить. Подумаешь, копыта! Все народы разные. Кретаки – фавн, ему положены козьи ноги. Вон спринтеры – те в волков превращаются. Лучше, что ли? А люди вообще от обезьян произошли!

– Как от обезьян?! – ахнули люди.

– От обезьян, – подтвердил Хельги. – Так Макс говорил. Теория эволюции называется.

На лице Ильзы отразилась детская обида.

– Разве нас не боги сделали? Я всегда думала, что боги. Из глины...

– А может, и боги, – в задумчивости откликнулся Хельги. – Может, потренировались на обезьянах, потом занялись людьми? Как знать?

На прощальное свидание сильфида отправилась в настроении элегическом, а вернулась злующая, как скорпий.

– Простились? – спросила Меридит подругу.

– Простились. Навсегда. Видеть его больше не желаю!

– Почему? – удивилась диса.

– Потому что козел. – Энка с досадой отшвырнула плащ. – Какие ноги, такая и натура. Хватит об этом. Он для меня больше не существует.

Меридит равнодушно кивнула. Рано или поздно, но все романы сильфиды заканчивались подобным образом, так что ее близкие успели привыкнуть.

Ильза же, напротив, была заинтригована до предела, ходила вокруг подруги кругами и мучительно пыталась сообразить, как бы половчее подобраться к той с вопросами, не подвергая при этом опасности собственную персону. Но решить данную проблему она так и не успела, отвлеченная событием еще более впечатляющим.

Они как раз приступили к ужину, когда раздался стук. И было в этом звуке нечто такое, что заставило всех дружно вскочить и ринуться к двери.

На пороге стоял некто, в первый момент показавшийся Ильзе странно знакомым. Она обернулась и поняла, в чем дело. Пришелец был удивительно похож на Хельги. С одной только разницей: Хельги выглядел очаровательно, незнакомец же – омерзительно как злая карикатура. Черты лица те же, но резче. Тусклые, косоватые, дурные глаза посажены ближе и глубже, нос длиннее и тоньше, губы неожиданно пухлые и мокрые, подбородок безвольно скошен, а все вместе производит крайне отталкивающее впечатление хитрого и порочного существа. Интересно, кто это такой?!

– Как ни печально, но это мой брат, – мрачно ответил Хельги на немой вопрос окружающих. – Чего приволокся?

Пришелец криво ухмыльнулся:

– Так-то ты встречаешь любимого брата?

В глазах Хельги сверкнул нехороший желтый огонь:

– Я скорее соглашусь назвать любимым подменного братца Улафа, чем тебя, и ты это знаешь. Говори, зачем явился, и проваливай. Впрочем, можешь и не говорить. Просто проваливай. Пока не натрусил блох на лестнице.

– У него правда блохи? – испуганным шепотом спросил принц, отступая подальше.

– Да уж наверняка, учитывая его образ жизни, – громко и зло ответил Хельги.

Пришелец стоически проигнорировал их диалог.

– Я скажу, зачем явился, – объявил он. – Некуда податься было, вот и явился. Дай, думаю, брата навещу. Худо-бедно, родня. Может, денег малость одолжит, приютит...

– Не одолжит и не приютит, – отрезал Хельги. – Не надейся. И вообще, если не хочешь неприятностей, мой тебе совет: убирайся назад в Дольмен и больше из-за Перевала носа не высовывай. Не погань Староземье своим присутствием.

Мерзкий спригган придал физиономии делано сокрушенное выражение, развел руками:

– Я и рад бы, да нельзя мне в Дольмен. Меня, знаешь ли, вне закона объявили.

– Чего и следовало ожидать.

Внешне Хельги оставался каменно спокоен, но Меридит, зная напарника словно самое себя, заметила, как побелели его губы, как когти впились в ладони почти до крови.

– Тебя одного или весь род? – резко спросила дуса, понимая, что именно этот вопрос сейчас больше всего волнует Хельги, а сам он никогда не унизится до того, чтобы задать его Гуго, так звали его гнусного младшего брата.

– Одного, – вздохнул Гуго. – Даже компании меня лишили.

Этот вздох был вполне искренним. Уж конечно, ему было бы гораздо легче от сознания, что положение матери и братьев не лучше, чем у него самого.

– За что? – продолжила допрос Меридит.

– Догадайтесь с трех раз! – хихикнул подонок.

Хельги презрительно фыркнул:

– Тут и гадать нечего. Воровство, изнасилование малолетних и сношение с природными волками.

Пришелец весело оскалился:

– Все три раза – и все верно! Как ты, братец, прозорлив!

– Сделай милость, уйди, – устало попросил Хельги. – Не доводи до греха.

Удивительно, но Гуго послушался. Прекратил кривляться и быстро, не прощаясь, сбежал по лестнице. Видимо, почувствовал, как недалеко осталось Хельги до этого самого «греха».

– Ничего себе! – прокомментировала ситуацию сильфида. Ей отказало обычное красноречие.

– Кто-нибудь сделайте одолжение, сгоняйте, убейте его, а? – попросил Хельги. – Пока недалеко ушел.

– Ты уверен, что хочешь этого? – с сомнением спросила Энка.

– Абсолютно. Я и сам бы с удовольствием, но братоубийство до добра не доводит.

– Ну как знаешь... – Энка взяла меч и устремилась вдогонку.

Вернулась она ни с чем. Гуго как в воду канул.

– Обернулся зверем и спрятался где-нибудь в выгребной яме, – решил Хельги. – Ох, чует мое сердце, мы еще хлебнем с ним горя! Не к добру он объявился.

За окнами совсем стемнело. Хельги старательно делал вид, что заснул. Он пребывал в скверном настроении и не был расположен к общению. С его молчаливого согласия Меридит шепотом рассказывала друзьям все, что знала о Гуго и его положении в роду Ингрем.

Дела со вторым сыном у Анны Ингрем не заладились с самого начала. Он был зачат по дурости, в день затмения, от незнакомого сприггана из маленького, вырождающегося прибрежного дольмена, не имеющего даже названия, а каждому известно: Дольмен без имени не может считаться полноценным. Ребенок родился раньше срока, среди зимы. Поблизости не нашлось подходящего обмена, и Анне, не желающей повторения истории с Хельги, пришлось по морозу тащить младенца через Перевал, подвергая воздействию отвратительной древней магии. Но даже это было не самой большой глупостью с ее стороны.

Если бы молодая мать знала хоть что-то о сектантах мандрагоритах, скрывающихся от человеческих законов в дремучих лесах Понита, она, безусловно, предпочла бы убить ребенка, нежели отдать им на воспитание. На беду, Анна не ведала ничего. А в результате всему роду пришлось пожинать горькие плоды ее неведения.

И по людским, и по спригганским меркам Гуго являлся настоящим гнездилищем пороков. Он был патологически лжив, похотлив, труслив и жаден. Не признавал никаких законов и норм – ни спригганских, ни человеческих. Он воровал и попрошайничал. Он убивал ради забавы, нередко в волчьем обличье. И не только убивал... Хельги иной раз с ужасом задумывался о том, не бегают ли сейчас по северным равнинам его мохнатые и зубастые племянники. Оставалось только надеяться, что спригганы не скрещиваются с природными волками.

Надо полагать, именно зооморфные похождения Гуго и стали последней каплей в чаше терпения соплеменников. Разбойное спригганское общество никогда не считало нравствен-

ность самой главной добродетелью, но оборотничество порицало и сурово карало во все времена. Оно допускалось, с оговорками, при подмене младенцев – и только. Даже невинная шутка Хельги с отращиванием волчьей головы, чтобы испугать соседей, в Дольмене могла навлечь на него неприятности. Что уж говорить о мерзких выходках его брата? Свершилось то, что давно должно было свершиться. Такая вот история.

Виной ли тому каверзы Сил Судьбы, козни неведомых врагов или какая иная причина, но поход с самого начала не задался.

Во-первых, они безбожно проспали. Даже привыкшая вставать с первыми лучами солнца сильфида благополучно продрыхла едва ли не до полудня. Хельги был очень доволен, в кои-то веки удалось выспаться как следует. Но остальные усмотрели в этом дурной знак.

Довольство Хельги тоже длилось недолго и сменилось раздражением, когда он обнаружил, сколько вещей собрано в дорогу.

– Я не маркитант и не кочевой цверг, чтобы таскать с собой летом кучу барахла! – горячился он. – Какого демона вы столько набрали? Впору телегу нанимать.

– Давайте наймём, – миролюбиво согласился рыцарь, вызвав у демона новый взрыв раздражения.

Неужели Рагнар не соображает, что после войны ни один возница не согласится удалиться от городских стен в трегератском направлении более чем на два дня пути из страха перед разбойниками? А если купить телегу вместе с лошастью самим, значит, на них ляжет вся ответственность за жизнь и здоровье вышеупомянутой лошади, и лично он, Хельги, к такой моральной ноше не готов. Тем более что лошади его боятся, и он не желает напрасно травмировать бедное животное. Не проще ли бросить половину груза?! А то и две трети?

Энка вздохнула. При необходимости она умела обходиться самым жалким минимумом провизии и вещей, но любовь к комфорту была ей не чужда. Хотя Хельги, конечно, прав. Не пристало воину обрывать барахлом.

– Мы же не для себя, – попыталась оправдаться она неизвестно в чьих глазах, Хельги или своих собственных, – а для Ильзы и Эдуарда. Ради твоего же ученика стараемся.

– Обойдется мой ученик. Он воин, а не кисейная барышня.

– Зато Ильза – барышня.

– Я не кисельная барышня, я тоже воин, – обиделась Ильза.

– Вот именно, – поддержал Хельги, – она воин.

Меридит вздохнула. По ее мнению, карьера наемника была далеко не самой лучшей участью для девушки-человека. Диста до последнего противилась отправке Ильзы в Дольн. Но та, при полной поддержке сильфиды и попустительстве Хельги, настаивала. Разве она слабее Эдуарда? Разве хуже сражается? Настояла-таки. Теперь она действительно воин и вполне может обойтись без спального одеяла, сменной одежды, личной миски с кружкой и прочих бытовых излишеств, – пусть никто не сомневается.

Хельги собственноручно перетряхнул все заплечные мешки и узлы, безжалостно отбросил не половину вещей и не две трети, а почти все.

С провизией он действовал куда менее решительно, но все понимали: не о ближних своих заботится, просто опасается, что голодные спутники займутся охотой. В послевоенные годы купить еду в Староземье стало не так-то просто. К югу от Уэллендорфа лежали разоренные, едва ли не дотла выгоревшие земли, по ним отходили в степь вконец озверевшие остатки армии некроманта. Пищей там не разживешься.

Рагнар с учетом этого даже предлагал избрать другой маршрут. Идти не на Трегерат, а через Дольн в Оттон и оттуда до Альтетия морем.

– Нет уж. Слишком большой крюк, – не согласилась Энка. – И воды в тех краях неспокойные, одна Черная Зыбь чего стоит. Туда по доброй воде ни одно судно не пойдет.

– А мы у папаши фрегат возьмем.

– У вас в Оттоне фрегаты лишние?

Но вот, наконец, после долгих споров и препирательств, мешки были вновь упакованы, двери заперты, ключи оставлены у соседей. Бросив прощальный взгляд на гостеприимный дом с лепной львиной головой над входом, компания двинулась в дорогу. Но не миновали они и трех кварталов, как Рагнар вспомнил про Августуса. Ослы сехальские, они даже не предупредили его о своем уходе!

– Как-нибудь переживет, не маленький, – сурово сказала Меридит. – Возвращаться – плохая примета.

– Ничего, погляжусь в зеркало. Энка, позови Вампира. Я мигом! Вы ступайте, я вас догоню.

Вернулся рыцарь действительно мигом. Но не один. Сзади, прижав к груди чернильницу, сидел Бандарох!

У Хельги от ярости перехватило голос, он смог лишь зашипеть.

– Это еще что? – возмутился гном. – На кой ты его приволок?

– А что мне оставалось? – огрызнулся рыцарь. Он выглядел растрепанным и взвинченным. – Подлетаю я к его дому, смотрю, рядом крутится какой-то оборванец! Хромой, одноглазый и плешивый, представляете! Ну я, понятно, Августуса в охапку, через крышу, на Вампира, и деру!

Окружающие слушали его бурную речь и недоуменно моргали. Никто, кроме Хельги, не усматривал решительно никакого повода так спешно давать деру.

– Может, просто совпадение? – неуверенно предположил демон. – Мало ли после войны бродит нищих инвалидов?

– Да объясните наконец, в чем дело?! – потребовала сильфида. – С каких это пор вы стали бояться нищих инвалидов?

Хельги объяснил.

Настроение было поганым. С одной стороны, жутко раздражал сам Бандарох, непрерывно скулящий и ропщущий на судьбу. С другой, малиновая магия чернильницы занозой сидела в его астральном поле. Хотелось выхватить дрянь из слабых пальчиков магистра и зашвырнуть куда подальше, за океан, например, или в иной мир. Но почему?

Они были в пути уже пять дней. За это время Бандарох успел опостылеть не одному Хельги. Даже Рагнар начинал поглядывать на своего подопечного косо.

– Да перестанет он когда-нибудь скулить? – не выдержав, возроптал и Эдуард. – Тошнит уже от его стонов!

– Ох, чья бы корова мычала! – живо откликнулась любительница народной мудрости. – Сам лучше был, что ли?

– Разумеется, он был лучше, – заступился наставник, шипя от негодования. – Как ты вообще можешь их сравнивать!

Сильфида тихо фыркнула. На ее взгляд, один другого стоил. Но возражать, учитывая взвинченное состояние Хельги и счастливое выражение лица Эдуарда, девица не стала.

– Послушайте! – жалобно взмолился демон на шестую ночь. – Я больше не в силах это выносить! Давайте посадим его на Вампира и отправим куда-нибудь подальше... в безопасное место.

– Можно к нам в Оттон...

– Нет!!! – Хельги заорал так, что рыцарь вздрогнул от неожиданности. – Ни в коем случае! Даже не думай!

– Почему, демон побери?

– Не знаю почему. Нельзя, и все тут! Прими как данность.

Рагнар подумал и согласился. Неизвестно, что за враги преследуют несчастного магистра, и ни к чему привлекать их внимание к Оттону.

– Тогда давайте к нам в Сильфхейм, – предложила Энка. – Там ему самое место. По занудству за своего сойдет.

Хельги задумался. Этот вариант был бы оптимальным. Порожденный мощной солярной магией, изолированный от мира остров был надежно защищен от любой магической угрозы. От немагической, впрочем, тоже. Оставалось лишь одно «но»...

– Но что скажут твои родители?

– Скажут спасибо. Мы привнесем хоть чуточку разнообразия в их бедную впечатлениями жизнь.

Устами бы сильфиды да мед пить. Хельги очень сомневался, что родичей обрадуют подобные впечатления. Но достойной альтернативы не было, а потому Энка призвала Ампира, усадила Бандароха, прихватила с собой охочую до полетов Ильзу и умчалась на родину.

Оставшиеся привычно переночевали в овраге, а поутру побрели по направлению к Оузе, кудианской деревне, славящейся производством козьего сыра. Не то чтобы кто-нибудь из них так уж любил козий сыр, просто Оуза лежала как раз на пути к Трегерату, и в ней имелся постоянный двор, единственное заведение подобного рода во всей округе. Оно-то и было назначено местом встречи с отбывшими в Сильфхейм. Те, кому удастся добраться до Оузы первыми, снимут комнату и будут дожидаться друзей в уюте и комфорте. А почему бы и нет? Они существа состоятельные, могут себе позволить!

К дальним перелетам на грифонах все относились по-разному. Энка, например, воспринимала их неоднозначно. С одной стороны, она не могла не признать, что лететь намного приятнее, чем плестись пешком. Но с другой... Это какие же нервы надо иметь, чтобы спокойно сидеть без дела более трех суток кряду! И это только в одну сторону!

Иное дело – Ильза. Ни ледяной встречный ветер, ни запах псины, ни весьма сомнительное пение сидящей в головах сильфиды не умаляли ее восторга. Она находила прекрасными даже те моменты, когда грифон применял свою пожирающую пространство магию, отчего ландшафты внизу превращались в мелькание цветных полос, уши закладывало, а непривычные к полетам субъекты зеленели и шуршали пакетиками из-под крупы. Что они смыслят в жизни, эти ученые задохлики?! Что может быть прекраснее ощущения скорости, высоты и свободы! Эх, вот если бы еще вместо жалкого Бандароха, за которым приходится следить, чтобы не свалился, перед ней сидел бы Хельги, и можно было бы уцепиться за его пояс, уткнуться лбом в спину и... Впрочем, нет в этом мире совершенства. Девушка давно усвоила сию грустную истину и научилась довольствоваться имеющимся. Августуса пока не тошнит – уже радость!

Радость была недолгой. Очередной прыжок через пространство – и Августуса вырвало прямо ей на сапог. Ветром снесло. А все Рагнар! Говорили ему: не корми его на дорогу, не корми! Пожалел... И вот вам результат. И магистру на пользу не пошло, и ей неприятность. Ну да ладно. Ветром обдует. Все равно жизнь прекрасна!

Бандарох, разумеется, думал совсем иначе. Он сомневался, можно ли это вообще считать жизнью.

Высоты магистр боялся с детства. Боялся до визга, до обморока. Он никогда не залезал на деревья, не бегал с мальчишками по крышам, не нырял в речку с откоса. Любой забор, достающий ему хотя бы до подмышек, был для юного Бандароха непреодолимой преградой. А повзрослев, он из собственного чердачного окна старался не выглядывать без особой нужды.

И вдруг такая высота! Ужас! Ужас! Ужас!!!

А все демон Ингрэм! Это из-за него приходится вновь терпеть муки и унижения. Изобретай он пытку специально, и то не придумал бы лучшей! И после этого еще берется утверждать, что не является убийцей! Как бы ни так!.. Ну вот опять! И опять мимо пакета!

Кошмарный перелет оказался не последним испытанием, выпавшим на долю несчастного автора «Полнейшего и новейшего». Он-то наивно полагал, что будет официально представлен родителям сильфиды, как это принято в любом приличном обществе. Ничуть не бывало! Его тайно протащили в город через сырой, до колен заиленный и до жути зачарованный тоннель, потом долго вели темными закоулками, круто поднимающимися в гору, потом втолкнули внутрь небольшого строения, внешне вполне эстетичного, но оказавшегося не чем иным, как стойлом для грифонов, а там усадили на охапку пахнущей псиной соломы и велели дожидаться утра.

– А это, – Энка вручила ему наспех нацарапанную записочку, – отдашь моему папаше. Он утром придет наряжать грифона, чтобы лететь в Парламент... Да не трусь, он будет очень рад. В смысле рад, что я привела тебя, а не увела грифона. Ну, счастливо оставаться!

Нехорошо читать чужие письма. Но Бандарох сделал это! Из мести! Засветил холодный магический огонек на кончике указательного пальца, и в его неверном свете, с трудом разбирая витиеватый почерк сильфиды, прочел:

*«Привет вам, дорогие папа и мама! Как вы догадались, это опять я. Встретиться с вами лично, увы, не могу, время не позволяет. Очень спешу! В утешение оставляю вам моего приятеля Бандароха Августуса собственной персоной. Полагаю, он может рассчитывать на гостеприимство, коим издревле славится наш народ. Пусть поживет у вас, пока я за ним не вернусь. Можете поселить его в моей комнате, только заприте секретер. За сим, до свидания.
Ваша любящая дочь Энкалетте.*

*Р. С. Имейте в виду, за Бандарохом гонится десяток-другой наемных убийц. Надеюсь, у вас не возникнет проблем с ними.
Ваша любящая... тьфу, я это уже писала. Короче, до встречи. Не пугайтесь, не до скорой. Я».*

Прочитал и похолодел. Он был уверен, что папаша любящей дочери, получив такое послание, выставит незваного гостя за порог на растерзание убийцам. Но он счастливо ошибался. Если пришедший утром в грифонную благообразный седовласый сильф и имел поводы для недовольства, то виду не подал. Августусу был оказан именно такой прием, какой принят у представителей приличного общества. Даже секретер не заперли. Жизнь, похоже, начинала налаживаться.

Да, Оуза здорово изменилась с тех пор, как Хельги и Меридит побывали здесь в последний раз. Теперь уже никто не называл бы ее «Козьей деревней», именно так переводилось слово «Оуза» с языка кудиан. То есть козы-то как раз наличествовали: большие, белые, сытые, вполне довольные своей дикой жизнью, – не было самой деревни как таковой. Путники стояли на заросшем бурьяном пустыре.

– Глупо было ожидать чего-то другого после того, как здесь прошелся Глом, – заметил Хельги рассеянно. – От человеческих сел мало что осталось, а уж от кудианского...

– Надо было подумать об этом раньше, – ворчливо откликнулся Орвуд. – Где теперь девиц ждать? Где ваша хваленая ночлежка?

– Как где? Вот! – Меридит ткнула пальцем себе под ноги. Там, в траве, чернела обугленная доска. Один ее конец сохранился чуть лучше, на нем с трудом угадывались буквы... «зе»... – Это их вывеска: «Пьяный козел». Значит, надо ждать здесь.

– Спасибо, обрадовала! – шутовски раскланялся гном. – Прекрасные апартаменты, нечего сказать! Комфортные... Уж и не знаю, хватит ли нам средств расплатиться за постой в таких хоромах!

Рагнар, как всегда, стремился сгладить ситуацию:

– Ну, немного не повезло. С кем не бывает! Нам все равно нужно было назначить встречу – не здесь, так в другом месте. Какая разница, где ждать?

– Зачем вообще нужно ждать? Они на грифоне. Вполне могли бы отыскать нас в пути. Пролететь пару раз туда-сюда над дорогой...

– При встрече скажи это Вампиру, – со вздохом перебила Меридит. – У него, знаешь ли, принципы: «туда-сюда» не летает.

Аолен с Эдуардом участия в общем разговоре не принимали. Они рыли землю. В прямом смысле этого слова, лопатой. Подобрали где-то старую ржавую лопату и занялись земляными работами на склоне ближайшего холма. Хельги некоторое время наблюдал за процессом, потом поинтересовался:

– Клад ищите? Одного мало показалось?

– Землянку строим. Ночью пойдет дождь, не хочется мокнуть зря, – пояснил эльф. – И вообще, нам не один день тут сидеть...

Дождь начался на закате и, похоже, решил не кончаться больше никогда. Луги вокруг холма уже слились в озеро, а он все лил и лил. Козы сновали вокруг землянки, белые и наглые – непогода была им нипочем – блеяли и злили Орвуда.

– Изловить скотину, и на жаркое, – бурчал он.

– Это кудианские козы, – заметил Хельги не без злорадства в голосе.

– И что?

– Измененные кудианские козы. Совершенно несъедобные. На них даже волки не охотятся.

Вдруг, словно в ответ на его слова, из леса вынырнула мохнатая тень, метнулась в самую гущу козьего стада. Козы встретили хищника насмешливым блеянием и частоколом красивых янтарных рогов. Тот отпрянул, лапы разъехались на скользкой глине. Взвизгнув, зверь плюхнулся в лужу, подняв брюхом фонтаны брызг. Затем вскочил, отряхнулся и, поджав хвост, убрался в чашу.

– Вот урод! – прошипел Хельги сквозь зубы.

– А говоришь, волки на них не охотятся!

– То волки, а то Гуго. Дуракам закон не писан.

– Это твой брат? – воскликнул Рагнар. – Ты уверен?

– Что я, родного брата не узнаю? – фыркнул демон.

Рагнар только головой покачал. Он решительно не понимал, как можно опознать родного брата в волке. А спросить не решался из деликатности.

– А что тут делает твой брат? – удивился эльф.

– Я полагаю, за нами увязался, – пояснила диса сурово. – Жаль, Энка его тогда не догнала.

Принц поежился. Ему стало... нет, не страшно, а как-то неуютно. Остальные, наверное, почувствовали то же самое – помрачнели, притихли.

– Чего ему от нас надо? – спросил рыцарь вполголоса. – Он знает, что мы тут, в норе?

– Не знает. Иначе не стал бы охотиться у нас на виду. Думаю, он следил за нами по грифону, его же издали видно, – рассуждал Хельги вслух. – А когда Энка с Ильзой улетели, он нас потерял, теперь идет по дороге наугад. Сворачивать тут особо некуда... А вот что ему от нас надо?... Даже не представляю. Замыслил какую-нибудь гадость, не иначе. Провалиться на этом месте, если... Ой! Мамочки мои!!!

– Хельги, счастье мое! Ты хоть иногда думай, прежде чем говоришь! – попросила Меридит, потирая ушибленные части тела.

Падали они глубоко, удар вышел весьма ощутимым.

– Зато Гуго нас тут не найдет.

– Угу. Энка с Ильзой тоже. Им скоро пора возвращаться.

Принц Эдуард опасливо озирался.

– А где это мы?

– В склепе, разумеется, – авторитетно заявил гном. – Выходит, мы вырыли нору не в простом холме, а в кургане.

Эдуард вздрогнул. Надо заметить, что пережитые приключения, и в особенности школа Белых Щитов, изрядно закалили характер его высочества. Это был уже далеко не тот капризный, нежный, трусоватый отрок, каким он встретился наемникам и эльфу. В Гильдии его теперь сочли бы неплохим воином. Но с курганниками у него были связаны такие жуткие воспоминания, что все мужество куда-то подевалось. Если он и удержался от крика, то только потому, что боялся потревожить могильную тишину и привлечь внимание хищных обитателей склепа.

– А тут есть эти... как в степи... с лапами? – Назвать курганников по имени он тоже опасался, чтоб не накликать.

– Сейчас поглядим! – бодро откликнулся виновник происшествия, засветив на раскрытой ладони голубой огненный шарик. Аолен даже присвистнул от удивления. Считалось, что такие шарики умеют делать только эльфы и сильфы.

– Это меня Энка научила, – пояснил демон. – В принципе ничего сложного.

Он поднял ладонь повыше, холодный магический свет озарил пространство, веками погруженное во тьму.

Никаких сомнений не осталось, они действительно угодили в склеп. И в какой! Помещение было размером с хорошую университетскую аудиторию.

Пол выложен грубо отесанными плитами песчаника, стены – из таких же валунов. На их слегка отшлифованной поверхности просматривались некие символы, высеченные резцом. Каменные своды над головой были совершенно целыми, будто сквозь них никто никогда не проваливался.

Саркофаг – здоровущий, в два человеческих роста длиной – располагался не в центре подземного зала, как это принято в традиционных гробницах, а как-то сиротливо в уголке. И слава богам! В противном случае компания свалилась бы прямо на него, и тогда дело точно не обошлось бы ушибами и ссадинами. В целом же склеп производил впечатление очень мирное, ничего зловещего не ощущалось, никакой нежити в поле зрения не наблюдалось. Самым разумным было бы спокойно удалиться.

– И мы даже не посмотрим, кто тут похоронен? – спросил Хельги разочарованно.

– Оно нам надо? – воспротивился Орвуд. – Тебя в детстве не учили, что старые кости тревожить негоже? Хуже Энка, право слово!

– Интересно же! И потом, может, Силы Судьбы нарочно нас сюда забросили?

– Силы Судьбы тут ни при чем. Это ты нас сюда забросил, по собственной дурости...

...И пока одни так препирались, а остальные с интересом им внимали, в славном рыцаре Рагнаре разыграла молодецкая удаля – он взял да и приподнял крышку саркофага. Просто так, чтобы силушку свою испытать. И приоткрыл-то самую малость – на пол-ладони, больше не осилил. Этого оказалось достаточно. То, что было внутри, вылезло наружу.

Было оно бесплотным, но крупным, на обычное привидение непохожим. Привидения белые, как сгустки тумана. Тварь же из саркофага была черна, будто облако пепла или столб дыма. В подземном сумраке очертания ее совершенно терялись.

– Я Царь Народов! – торжественно объявил черный дух. И добавил сварливо: – Вы все умрете!

– Почему? – искренне удивился Рагнар.

– Как почему? – столь же искренне удивился дух. – Вы осмелились нарушить покой моей скорбной обители. Уж тыщу лет провел я в сем склепе, заживо замурованный врагами, – и вот явились вы!

– Лично я была бы только рада, если бы меня освободили после *тыщи* лет заточения, – заметила Меридит философски.

– Я тоже рад, – призналось черное нечто, – но вы все равно умрете. Такова традиция. Трепещите, смертные!

– А если я, например, бессмертный? – любопытствовал Хельги, которому вовсе не трепеталось.

– Почему это ты бессмертный?

– Потому что он могущественнейший и опаснейший из современных демонов-убийц, – заявил Эдуард, безмерно гордый своим наставником.

– Правда, что ль? – обеспокоился дух, и Хельги почувствовал, как всколыхнулся Астрал. Увиденное в Астрале заставило Царя Народов заметно сникнуть.

– Велик и ужасен! Воистину, велик и ужасен, – со скорбью в голосе признал он. – Что ж, казни меня, низвергни в небытие, ибо возгордился я и достоин кары!

– Вот еще! – возмутился Хельги, который, к слову, понятия не имел, каким образом низвергают в небытие подобных чудовищ. – Очень мне надо с тобой возиться! Живи себе, только нам не мешай.

Но Царь заупрявился. Он заслужил кару – он желает ее понести, как того требуют традиции, и снисхождения не просит. И никакие это не глупости. А смертным вообще не пристало вмешиваться в разговор высших существ. Заслужил кару – должен понести. На традициях мир стоит. И вовсе они не устарели...

– Да низвергни ты его, куда просит! – потерял терпение Орвуд. – Чего с ним валандаться?!

– Не умею я низвергать! – ответил демон-убийца страшным шепотом.

– Чего тут уметь? – совсем рассердился гном. – Поглоти, как Ирракшану, и дело с концом!

От возмущения Хельги даже поперхнулся и не смог высказать Орвуду все, что думает по этому поводу. И хорошо, что промолчал!

– Что слышу я?! – взревел дух ликующе. – Ужель повержена Ирракшана?! Ужель не оскверняет боле земной лик?! О, Величайший из Великих! Отныне я – раб твой! Царь Народов – раб твой. Приказывай – повинуюсь!

– То есть повергать... низвергать тебя больше не надо? – с надеждой уточнил Хельги.

– Не надо. Я посвящу свое бытие служению тебе!

Демон вздохнул с облегчением. Он, бедный, даже не догадывался, сколько хлопот нажил на свою голову.

Из гробницы спутники выбрались без всяких усилий. Царь Народов взмахнул бесплотными руками, провыл заклинание на языке, незнакомом даже Меридит. После чего стены склепа расступились, выпустили незваных гостей на волю у самого подножия холма, и тут же вновь сомкнулись за их спинами.

Рагнар поискал недавнего собеседника взглядом, но не обнаружил.

– Я не понял, этот... Царь, он что, с нами идет или как? Он вроде собирался служить Хельги...

– Увы! – Голос прозвучал ниоткуда, но громко. – Не должно мне покидать надолго обитель сию. Но случись в том нужда – явлюсь без промедления, дабы исполнить служение свое!

– Вот и прекрасно! – обрадовался Хельги. Такое положение дел устраивало его как нельзя лучше. Царь Народов успел надоесть ему до отвращения, было приятно расстаться с ним хотя бы на время.

Иначе думала Меридит. Она не любила нежить и не доверяла ей. Неизвестно, как поведет себя древний дух, выпущенный из заточения и оставленный без присмотра. Не начнет ли грабить мирных путников и насылать мор на окрестные селения?

Мнения разделились. Рагнар, по обыкновению, принял точку зрения Меридит: он стал клясть себя за легкомыслие и неосторожность и призвал Хельги принять меры по обезвреживанию темной твари. Хельги отказался, сославшись на неумение. Орвуд же ругал рыцаря и дису, обзывая их перестраховщиками, и списывал всё на волю Сил Судьбы. Его поддерживал и Эдуард: отвязался, и слава всем богам, незачем вновь привлекать внимание чёрного духа...

– Вы ничего странного не замечаете? – вдруг перебил спорщиков Аолен. Выглядел эльф испуганным и ошеломленным.

– Чего именно? – насторожился Рагнар.

– Луж-то нет!

Друзья недоуменно переглянулись. В самом деле, за то короткое время, что они пробыли в склепе, ландшафт успел преобразиться. Лужи высохли, не оставив даже грязи. Там, где только что разливалась вода, теперь была плотная глинистая корка, местами уже потрескавшаяся под лучами яркого солнца.

– Это что же такое?! – прошептал Эдуард упавшим голосом. Он стоял на холме у входа в землянку и с суеверным ужасом таращился внутрь. Там в углу оставалось их походное снаряжение. Боги великие, в каком оно было виде! Разворошенное козами, наполовину засыпанное землей, подплесневевшее от сырости.

Над холодным кострищем склонился Хельги. Потрогал угли, принялся.

– Нас здесь не было минимум две недели.

– Да мы же вот только... – начал было принц и осекся. Понял: произошло что-то жуткое и необъяснимое.

Впрочем, нет. Объяснение нашлось благодаря Орвуду, знатоку горных недр.

Оказывается, бывают под землей места, где время течет иначе. Быстрее или медленнее, где как. Отчего так происходит – одним богам ведомо. Опасные это места. Разбросанные в толще земли без всякого порядка, то глубоко, то у самой поверхности, они ничем себя не проявляют, и не догадаешься, что угодил в такое, пока не выберешься наружу. Разные истории хранит народная молва. Иногда забавные: утречком позавтракал муж, шагнул за порог, жена еще крошки со стола не смахнула, а он уже обратно и ужин требует. Но чаще – страшные: отработал гном смену, вышел из забоя, а вокруг все незнакомые; он домой, а там ни жены, ни братьев с сестрами, а у детей у самих уж внуки подрастают. Или, наоборот, бывает – ушёл в гору молодым, а вернулся стариком.

– Да-а, – вздохнула диса. – Выходит, мы еще легко отделались. Но где теперь искать Ильзу и Энкалетте – не представляю. Хельги, ты их в Астрале не видишь?

Демон только головой покачал. Перед отлетом Энка специально проследила, чтобы он отвязал от грифона свои астральные продолжения. Иначе она, видите ли, чувствует себя собачкой на цепи.

– Выход один, – спокойно рассудил эльф, – надо идти в Аполидий, искать памятник и надеяться, что они догадаются ждать нас там.

Меридит вздохнула еще горше. Они, конечно, догадаются. Но Аполидий – то место, где юные девицы, особенно с внешностью Ильзы и характером сильфиды, имеют все шансы вляпаться в какую-нибудь историю...

– Всё, хватит уже, не реви, ты же воин, – как умела, утешала Энка боевую подругу. – Подумаешь, запропалились куда-то, с кем не бывает.

– А вдруг их у-у-би-и-ли? – хлюпала Ильза жалобно.

– Да кому они нужны, убивать их? Они сами кого хочешь убьют. А Хельги твой – вообще бессмертный, забыла? Найдутся, никуда не денутся...

Целую неделю девицы честно отсидели на пепелище Оузы, а потом еще дней пять, вопреки принципам Ампира, летали вдоль дороги туда-сюда в надежде обнаружить своих спутников. Безрезультатно. Те как в воду канули.

– И где их теперь искать?!

– Вот что я тебе скажу. Наша цель – Аполидий. Что бы с ними ни приключилось, они в конце концов придут туда. Будем ждать их в Альтеции, у памятника Мангоррату, это самое разумное, что мы можем предпринять в данной ситуации.

Выражение «данная ситуация» показалось Ильзе очень убедительным, она вняла голосу разума, перестала заливать Староземье слезами, даже повеселела в предвкушении долгого полета. А вот сильфиде было вовсе не весело. При всей своей отчаянности и бесшабашности девица прекрасно отдавала себе отчет, что Альтеций, и особенно ближайшие к борделю кварталы – не то место, где ей стоило бы задерживаться надолго...

Детство каждой сильфиды – пора абсолютно безоблачная. Прелестные создания окружены всеобщей любовью и заботой. Они растут, как оранжерейные розы, не ведая тревог и печалей. Красота и гармония окружают их. Нежные няньки, опытные воспитательницы, мудрые наставницы ведут их по жизни, подавая пример нравственности и добродетели. Сам Верховный Амарант считает своим долгом неусыпно печься о благополучии благородных дев и лично следит за их воспитанием.

Через тринадцать лет жизни такой Энка поняла очень отчетливо: либо она просто спятит, либо убьет Верховного Амаранта, либо надо бежать.

Она бежала ночью, через древний, до колен заиленный и до жути зачарованный потайной ход, о котором, кроме нее, вечно сующей любопытный нос во все дырки, наверное, ни одна живая душа уже не помнила. Бежала на эттелийском военном фрегате, в трюме с крысами, в пустой бочке из-под соленой рыбы. Такой и обнаружили ее моряки: продрогшая, сопливая, чешуя в волосах, шелковый пеньюар воняет селедкой, но настроение вполне боевое, ни намека на раскаяние и сожаление.

Женщина на корабле – дурная примета. Но эттелийцы то ли не были суеверны, то ли не посчитали злобное рыжее созданище за женщину и оставили для развлечения, как собачку или обезьянку, но провела она на «Грозе Морей» два с лишним года. Сперва на положении забавной зверушки, а позже, когда стали проявляться ее военные таланты, в должности стрелка правого борта. Военно-морская жизнь пришлась ей по душе, и надо же было оказаться такой идиоткой, чтобы отстать от судна, да не где-нибудь, а именно в том самом Альтеции – городе, чья репутация была дурной даже по меркам безнравственного и незаконного Аполидия. Результат не заставил себя ждать: ее изловили и продали в бордель.

Но то, что легко проходило с другими девушками, не удалось с юной сильфидой. За время своего пребывания в Альтеции она, скажем так, слегка проредила мужское население, а потому возвращаться в сей чудный край было ей совершенно не с руки. И особенно в обществе Ильзы. Саму сильфиду давно уже не могли шокировать никакие из проявлений прозы жизни. Иначе обстояло дело с юной уроженкой Ипских островов, славящихся аскетизмом и благонравием своих обитателей. Год, проведенный в Дольне, ситуацию не менял.

Во всех староземских школах Белых Щитов было принято не обращать внимания на половую принадлежность учеников. Враг ведь тоже не станет смотреть, дама ты или нет. В данном случае речь идет не только о физической нагрузке и боевой подготовке, одинаковой для всех. Общими были и спальни, и помывочные, и уборные.

Неудивительно, что народная молва считала подобные учреждения гнездилищем порока. И совершенно напрасно! Конечно, специально за соблюдением нравственных устоев там никто не следил, но после многочасовых изнурительных тренировок Окединственным желанием бедных учеников было добраться живыми до своих мест на нарах. Никакие амурные идеи им даже в

голову не успевали прийти. А потому девчонки-наемницы выходили из школьных стен едва ли не более невинными и наивными, чем их сверстницы из закрытых заведений для благородных девиц. Конечно, говорила себе Энка, Ильза как раз в том возрасте, когда уже следует приобрести определенные знания и навыки. Но для тонкой человеческой психики будет лучше, если ей об этом сообщат в более деликатной форме, чем это принято в Альтеции.

В общем, у сильфиды имелся целый ряд веских аргументов против Альтеции и только один – за. Но именно он перевешивал. Иной возможности встретиться с друзьями у них не было. И зачем она, ослица сехальская, заставила Хельги отвязать от Ампира все его астральные конечности?! Сейчас бы горя не знали! И куда они, демон побери, могли запропасться?!

Они шли в Альтеций. Хотя «шли» – мягко сказано. Эдуарду порой казалось, что он тут, на дороге, и помрет как загнанная лошадь. Спали по несколько часов в сутки, привал делали только на обед (он же – завтрак и ужин), от непогоды не прятались, за день проходили столько, сколько обычный путник за три.

Плечи болели, ноги и вовсе отваливались, но принц не роптал – сказывалась Дольнская школа. Зато совсем выдохся Орвуд... впрочем, это тоже мягко сказано. Но на предложение добросердечного Рагнара отстать от компании и идти помедленнее ответил возмущенным фырканьем и прибавил шаг.

«Все-таки склочная у гномов натура, – рассуждал про себя Хельги. – Что за удовольствие все время ворчать? Идем быстро – плохо. Едим медленно – опять плохо... Интересно, происходит их дурной нрав из комплекса неполноценности, вызванного малым ростом, или дело в замкнутости гномьих сообществ?» Разрешить сию психологическую задачку демон так и не успел.

Нападавших было двое, здоровенные юные амбалы с тупыми мордами, рано расплывшимися от неумеренного потребления пива. Сначала Макс встревожился, решил, что инцидент связан с делами фирмы (как то и предрекала Меридит – с объекта пришлось уйти сразу по возвращении), но он скоро понял: перед ним не профессионалы, а два дурака, добывающих на жизнь грабежом по подворотням и подъездам. Можно было прикончить их сразу, увы, со всеми вытекающими последствиями... Нет уж, увольте! Проблемы с законом ему ни к чему. Доказывай потом, что это была самооборона! Вырубить и уйти – самый лучший выход.

Одна беда: очень крепкими на череп оказались эти громилы, никак не желали отключаться, все лезли и лезли!

– Да демон вас побери! – прошипел Макс по дурацкой привычке, подхваченной в совсем другом мире...

– К... кого побрать? – Демон стоял рядом, пошатываясь, бледный и растерянный, ошалело таращил светло-зеленые глазищи, а его левая рука надежно сжимала рукоять короткого походного меча (правая была занята сухим рыбьим хвостом). И в ситуацию он въехал рекордно быстро:

– Слушай, Макс, я того... не умею побирать. Давай, мы их просто убьем, а? Трупы я сам спрячу... – Он очень хорошо помнил, что мир Макса цивилизованный и прогрессивный и в нем не принято убивать людей на улице, даже если они разбойники.

К чести нападавших, они тоже удивительно быстро сориентировались:

– Н... не надо нас побирать... в смысле убивать. Мы сами уйдем. Скажи, Колян?

– Угу, – пробасил Колян. – Уходим мы... – Он даже кепку с бритой головы приподнял на прощание.

Потом они еще долго напрягали свои неповоротливые мозги, силясь понять, чем так напугал их светлоглазый парень, объявившийся неведь откуда. Тощий, бледный, одежда какая-то дурацкая, как у ролевиков из парка...

- Не дай бог еще раз такого встретить, скажи, Колян?
- Угу. Не дай бог... А почему?

– Хельги! Откуда ты взялся?! – Макс за руку тащил демона к своему подъезду, тот затравленно моргал и озирался.

– Здравсьте! Откуда? Ты сам же вызвал. Я ел как раз. Вот. – Он показал Максу хвост, словно желая подтвердить свои слова вещественным доказательством.

– Как это вызвал?

– Ну, как демонов вызывают? Думаешь, я помню? Пентаграмма нужна и еще какая-то дрянь, тебе виднее... Больше никогда так не делай, знаешь, как больно... Фу, как у тебя на лестнице воняет. Как у нас на старой квартире. Кошками. Люблю кошек. Особенно рыжих... Фу, дрянь какая! Что это?

Макс впихнул гостя в квартиру, толкнул в кресло, сунул ему под нос склянку с нашатырем.

– Нашатырный спирт. Чтобы у тебя в мозгах прояснилось.

– А! Водный раствор аммиака! То-то чувствую, знакомо воняет. – Он хотел прибавить еще что-то столь же ценное, но тут в мозгах у него в самом деле прояснилось. – Слушай, ты отдаешь себе отчет, что протащил меня через границу миров? Ты не пробовал податься в Великие магии?

– Я только сказал «демон вас побори», и больше ничего не делал, – оправдывался Макс.

– Вообще ничего? Ни пентаграммы, ни заклинаний?

– Абсолютно ничего. Когда бы я, по-твоему, чертил пентаграмму, если на меня напали?

– Да, – признал Хельги, поразмыслив, – в бою и камни толком не разложишь, где уж пентаграмму начертить... Тогда одно из двух: либо ты величайший: из ныне живущих... впрочем, нет... – Он нырнул в Астрал. – Магии в тебе не больше чем в Рагнаре. Значит, второе. Это Силы Судьбы все устроили. Ты не станешь очень возражать, если я поживу у тебя день-два? Или три?

– Зачем?! – выпалил Макс бестактно. Он был совершенно не готов к подобной просьбе и, честно говоря, рассчитывал, что сразу после того, как демон придет в себя, он незамедлительно отправится на родину. После первого столкновения с реалиями иного мира Макс потерял работу, душевное спокойствие и трезвость мироощущений. Ему стоило немалых усилий вогнать свою жизнь в приемлемое для нормального человека русло. Он прекрасно относился и к Хельги, и ко всей компании, но продолжения инфернальной истории категорически не желал. Он перерос возраст волшебных сказок и хотел жить как все.

– Извини. – Видимо, Хельги догадался, что было у Макса на уме. – Но я обязательно должен узнать, зачем сюда попал. Надеюсь, нескольких дней мне хватит. Если тебе неудобно, я могу остаться на улице.

Макс взглянул в лицо Хельги – красивое, но совершенно не человеческое. Нос, глаза, губы, – все почти как у людей, но вот общее впечатление... Плюс одежда, мягко говоря, несовременного покроя, да вдобавок холодное оружие... Инфернальное чудовище на ночных московских улицах...

– Ни в коем случае! Ты будешь жить у меня, это не обсуждается.

– Как скажешь, – кивнул Хельги покорно. – Можно, я где-нибудь помоюсь? Знаешь, мы не первый день в пути, а у тебя такие хоромы... Не хуже королевских! Я даже присесть боюсь.

Макс плюнул с досады.

Сам он художественным вкусом не обладал и осознавал это, а потому для оформления своей квартиры (большой, но временной; работа в фирме оказалась для него гораздо более выгодным делом, чем военная служба, и теперь он мог осуществить свою давнюю мечту о загородном доме), он решил нанять специалиста. Нанял и пожалел. Его не покидало подозрение,

что дизайнер перестарался. Слишком много позолоты, мрамора и бархата было вокруг. И если даже существо из другого мира сочло обстановку по-королевски помпезной, значит, с ней и в самом деле не все в порядке.

– Краны у тебя не очень! – крикнул Хельги из ванной. – Вот у Рагнарора папаши в дворцовой купальне вода идет из пасти голой дамы. Такая, знаешь, здоровая статуя из чистого золота! Тебе бы подошло.

Макс опять плюнул. Голос демона звучал совершенно серьезно, но складывалось полное впечатление, что он издевается.

– Хельги будет отсутствовать несколько дней, – объявила Меридит. – Он в другом мире. Подменный сын ярла исчез внезапно, во время еды. Она не особенно беспокоилась. Случалось, что тот, задумавшись, проваливался в Астрал или попадался на вызов какого-нибудь мага. Обычно он возвращался спустя несколько минут. Но прошло не менее получаса, Хельги не появлялся. Меридит уже начинала нервничать, когда в ее левом ухе раздался голос брата по оружию и поведал, что с ним приключилось.

– Извольте радоваться! – встал на дыбы гном. – Он будет по чужим мирам разгуливать, мы должны сидеть, его дожидаться, а девчонки пусть себе пропадают в Аполидий.

– Мы вовсе не должны его дожидаться. Он примотал нить к моему уху и по ней найдет нас, где бы мы ни были.

– Еще лучше! Мы будем себе ноги сбивать, а он явится на готовенькое! – Гном всегда был чем-то недоволен.

Ночь под одной крышей с демоном прошла очень мирно. Хельги спал как убитый до половины второго дня. Макс, конечно, давно был в курсе, что «спригганы есть существа ночные и к образу жизни созданий дневных приспосабливаются с трудом», но не настолько же!

– Ты намерен дрыхнуть или выяснять про Силы Судьбы? – поинтересовался Макс не без ехидства.

Но Хельги, прошедшего боевую выучку в общении с сильфидой, не так-то легко было поддеть.

– Просто я надеялся, что мне будет откровение во сне, – с ходу парировал он.

– Ну и как, было?

– Не было. Придется скитаться по твоему миру в поисках судьбы.

– Ладно. Сейчас... гм... позавтракаем и отправимся. Я уже звонил на фирму, чтобы меня не ждали три дня.

– Где не ждали? – не понял демон.

– На фирме... Работа такая. Я называю это «экстремальный инсценированный туризм». – Он усмехнулся. – Продаем людям сказку.

«Странный мир, – подумал Хельги. – У нас хоть сказки бесплатные».

– Значит, ты теперь торговец, – рассудил он по-своему. – Раз так – пошли скитаться. У тебя карта есть?

– Думаешь, если я теперь торговец, а не воин, без карты заблужусь?

– Не думаю. Но мир ваш велик, и за три дня весь не обойдешь. Надо сузить круг поиска.

– Вот, – Макс протянул ему карту Москвы, первую попавшуюся под руку, недоумевая, чем она поможет.

Но Хельги точно знал, как получить информацию от Сил Судьбы. Он закрыл глаза и ткнул пальцем в карту наугад.

– Мы идем сюда, читай, что это за место.

Каким-то таинственным образом Хельги и Макс прекрасно понимали друг друга, хотя каждый говорил на своем языке. Но читать по-русски Хельги не мог. Макс взглянул на карту.

– МГУ. Университет это.

– Вот видишь! – обрадовался Хельги непонятно чему. – Нам надо в университет. Правда, мило с их стороны?

Макс вздохнул. Он не понял, что и с чьей стороны «мило», и, честно говоря, надеялся, что их первый маршрут будет не столь отдаленным. Неизвестно, как поведет себя Хельги на людях и как будут реагировать на него окружающие. Вторым пунктом своих сомнений он поделился с главным их виновником.

– Ерунда, – махнул рукой демон. – Сам подумай, если в вашем мире нет никого, кроме людей, никто не заподозрит во мне нечеловека. В крайнем случае, примут за урод. Я уж как-нибудь переживу.

Макс снова вздохнул. В логике Хельги, конечно, но откажешь, но разве от этого легче?

– Не вздыхай, – фыркнул демон, – скажи спасибо, что я не гоблин или кобольд какой-нибудь. Тогда проблем было бы еще больше.

Макс почему-то воображал, что Хельги станет вести себя подобно дикарю, впервые попавшему в лоно цивилизации: шарахаться от транспорта, перебегать улицу как попало, попадать в нелепые ситуации. Себе же он примерял роль проводника, такого добродушно-насмешливого наставника, – все-таки он еще очень плохо знал Хельги. Демон хранил полнейшее спокойствие, будто шёл не по московским улицам, а по родному Дольмену. На автомобиле обращал ровно столько внимания, чтобы под них не попасть, и вообще ничем не выделялся из толпы, поскольку в человеческой одежде: джинсах и майке из гардероба Макса утратил значительную часть своей экзотичности. Особое опасение Макса вызывал метрополитен, но и тут всё прошло гладко. На эскалаторе гость из иного мира не спотыкался, поезд, вырвавшийся из тоннеля с рёвом и грохотом, за огненноглазого змея не принимал, на Кропоткинской вежливо уступил место старушке, а подвыпившего парня, отдавившего ему ногу, не уничтожил на месте, а чисто по-человечески обругал идиотом.

В университет они проникли без помех – даже пропуск не спросили. Макса такая беспечность охраны возмутила.

– Так я же им глаза отвел, они нас даже не видели, – пояснил Хельги.

Следующие несколько часов были едва ли не самыми скучными во всей жизни господина Ветлицкого. Они миновали нижние этажи главного здания. «Ах, как же в вашем мире развита наука! Подумать только, целый факультет – и весь геологический! Какая прелесть!» Проскочили ректорат, а дальше лифт – или судьба? – занес их прямо в музей землеведения. Тут они и застряли. Надолго. Макс, не имевший ни малейшей склонности к естественным наукам, помирал с тоски, взирая на бесчисленные камешки, косточки, черепушечки, колбочки, пробирочки и т. д. и т. п. И вот ведь что интересно: чем скучнее и неказистее с точки зрения Макса был экспонат, тем больше он занимал Хельги. «Подумаешь, вкрапления самородного золота в породе! Золота мы, что ли, не видели? Лучше взгляни, какие чудесные фельдшпатоиды!»

Грязно-серые невзрачные фельдшпатоиды вовсе не казались Максиму чудесными. Со скуки он побрел куда глаза глядят и вдруг наткнулся на нечто в самом деле примечательное. На отдельной витрине с эффектной подсветкой лежал здоровущий кристалл. Но внимание привлекали не размеры его. Внутри породы была заключена настоящая объемная картина, причудливо созданная самой природой. Суровый северный ландшафт: низкие горы, заснеженные ели... А на переднем плане: поляна – не поляна, вырубка – не вырубка, а что-то вроде гигантской взрывной воронки, окаймленной поломанными и вырванными деревьями. Максиму доводилось видеть фотографии места падения Тунгусского метеорита – очень похоже. И еще: с левого края искореженной равнины ясно виднелось нечто округлое, на ножках, рождающее однозначную ассоциацию с летающей тарелкой. Что-то необъяснимо-притягательное было в этой камен-

ной картине, на нее хотелось смотреть и смотреть не отрываясь, дав волю воображению и фантазии...

Хельги возник за спиной бесшумно, по своей дурацкой привычке профессионального диверсанта:

– Ты куда запропастился? Там такие классные... – Это он за день пребывания в мире ином успел подхватить местное словечко. – Такие классные цеолиты идем, покажу... Силы Стихий!!! Что это ОН у вас делает?!!

– Кто что делает? – обернулся Макс.

– Кристалл Акнагаррона! Его уже лет триста не могут найти! А он, выходит, у вас! Убиться можно! – Демон нервно хихикнул.

– Кто не может найти?

– Маги, разумеется. – Хельги рассердила непонятливость Макса. – Кто еще, по-твоему, может его искать? Ремесленники и землекопы? Это бесценный магический артефакт.

– Правда? – Потрясенный Макс, даже не подозревавший, что в его рациональном мире водятся бесценные магические артефакты. – А что он делает магического?

– Ну... – вдруг замялся Хельги. – Ну... он приносит пользу.

Слава богам, рядом не было сильфиды! Уж она бы не упустила бы случая отметить его дремучее невежество.

– Это я понимаю, – кивнул Макс. – Я спрашиваю, какую именно пользу? Как он действует? Зачем он нужен?

– Слушай, – решился сознаться загнанный в тупик магистр Ингрэм. – Я помню кристалл, как он был нарисован в учебнике, и знаю, что он страшно ценный. Из-за него даже войны были. Но зачем он нужен – убейте боги, не представляю! Я в магии вообще не того... плохо смыслю.

Тут Макс и вовсе перестал что-либо понимать.

– Но ты же этот... как его? Супердемон! Грозный, могучий, и все такое! Ты же постоянно применяешь магию, даже здесь, у нас. Как же ты можешь в ней плохо смыслить?

Грозный и могучий супердемон горько вздохнул, а потом спросил:

– Ты умеешь дышать? Дышишь постоянно?

– Дышу, – согласился озадаченный Макс.

– А знаешь, что при этом происходит в твоём организме? Можешь рассказать?

– Ну... очень приблизительно. Что со школы помню. Я же не биолог.

– Вот и я не маг. Я – магическое существо, у меня магия в крови – пользуюсь ей, и все. А в теории – полный ноль. Зачеты всегда с третьего захода сдавал.

– Тяжелый случай! – покачал головой Макс.

«Теперь ясно, что имели в виду Силы Судьбы», – сделал вывод Хельги, но возвращаться в свой мир не поспешил. А вдруг в этом есть и другие артефакты, о которых ему надлежит узнать? Под таким благовидным предлогом они за три дня прочесали Политехнический музей, музей Ферсмана, Палеонтологический, Зоологический на Малой Грузинской (с заходом в зоопарк), Ботанический сад и те павильоны ВВЦ, что еще не успели превратиться в торговые ряды. Но никаких артефактов, разумеется, больше не обнаружили. Впрочем, демона это нимало не огорчило, он выглядел вполне довольным жизнью, чего никак нельзя было сказать о его бедном проводнике. Ноги Макса гудели от усталости, а мозги – от обилия обрушившейся на них непривычной информации. Чтобы дать себе отдых, несчастный попытался усадить гостя за телевизор, но тот не понимал ни слова, а движущиеся картинки его не занимали.

– Не видел я, что ли, магического ока? Я понимаю, что принцип действия разный, но суть-то одна. Давай лучше еще куда-нибудь пойдем.

Утомленному Максусу казалось, что он ждет не дожидается того часа, когда нежданный гость отбудет восвояси. И вот час настал. И он опять остался один в своей шикарной квартире, в своем рациональном мире... И оказалось, что вместо облегчения он испытывает горькое разо-

чарование, будто ребенок, которого обещали отвезти в Диснейленд, но в последний момент оставили дома...

Магистр Ингрэм, тихо повизгивая от невыразимого блаженства, растянулся на травке. У него никогда не было собственного дома, только временные пристанища. И теперь, после этого немисливо далекого путешествия, он впервые понял, почувствовал, что значит выражение «вернуться домой». Мир иной подавлял и ошеломлял – Хельги стоило большого труда скрывать от Макса свое смятение. Хотя музеи у них там имелись превосходные. Ради них стоило терпеть и отравленный воздух, от которого болит голова и мерзко подташнивает, и постоянный шум, глубинный гул – его даже не ушами слышишь, а будто ощущаешь всем телом, и эту пакостную вонючую корку под ногами вместо нормальной мостовой: сперва кажется, что ходить по ней удобно, но быстро устаешь от однообразия движения мышц. А чего стоит эта утомительная суета и толчея на улицах! Люди вообще не самые приятные существа, но когда их слишком много, они становятся просто невыносимыми.

Любому терпению рано или поздно приходит конец. Хельги хватило на три дня. И вот он вернулся, и теперь его, будто сентиментальную деву корриган, умиляла всякая ерунда вроде легкого ночного ветерка, звездочек над головой, искорок костра на фоне темного неба, степной травки, которая на самом деле уже пыльная и довольно колючая...

– Ну и где же он? Где кристалл Акнагаррона?

Хельги взглянул на непонятливого гнома с неодобрением.

– Я же говорю, в мире Макса, в музее, на специальной витрине...

– Ты хочешь сказать... – От возмущения борода Орвуда встала дыбом. – Хочешь сказать, что не забрал его?! Три тысячелетия... – (Ох, Силы Стихий! А он-то наврал Максиму про триста лет! Беда у него с хронологией!) – Величайшие маги мира ищут кристалл, а ты нашел и не забрал? Тебя за ним сами Силы Судьбы послали, а ты...

– Ну, знаешь, – перебил Хельги сердито, – если Силы Судьбы воображают, что я, впервые оказавшись в мире ином, сразу начну грабить университетские музеи, они здорово заблуждаются. Это по меньшей мере непорядочно.

– Твои представления о порядочности граничат с клиническим идиотизмом, – постановил гном.

– Сам идиот, – буркнул Эдуард, обидевшись за наставника.

А Хельги дуться не стал, его занимало иное. Он подполз поближе к сестре по оружию и на ухо, по-атахански, спросил:

– Меридит, этот кристалл... а зачем он вообще нужен?

– Ты что?! Ты правда не знаешь или придиуриваешься? – изумилась та.

– Да тихо ты! Ясно, не знаю. Забыл. Имею я право что-то забыть?

– Перегрину на тебя нет! Смотри, никому не признавайся, а то еще степени лишат. Это же любой школяр знает, кристалл Акнагаррона позволяет видеть прошлое.

Хельги презрительно фыркнул. Ему представлялось, что этот артефакт, раз уж так знаменит, способен на нечто большее. Тем более что существует множество других способов видеть прошлое. Но если уж им так не терпится узреть былое именно через данный кристалл – пожалуйста! Он обо всем позаботился, привязал к артефакту – коготь, что ли? – Нет, пожалуй, это передний зуб.

– Вот он! – Энка царственным жестом указала на памятник. – Здесь мы и должны их дожидаться.

Ильза огляделась, и увиденное ей совершенно не понравилось: ни статуя – здоровенная, грубой работы, к тому же вся в выбоинах и трещинах, нос отколот почти полностью, ни то, что ее окружало.

Странное впечатление производил город Альтиций. Казалось, по чьей-то безумной прихоти сюда специально сволокли всевозможные строения со всего Староземья и окрестностей. Северные приземистые деревянные дома с двускатными дерновыми крышами соседствовали здесь с беломраморными сооружениями, украшенными колоннами и арками. Рядом с сехальскими глинобитными плосковерхими хижинами высились острые шпили резных башенок в стиле южных предгорий. На мощные, со щелями-бойницами каменные стены маленьких крепостей глядели веселенькие узорчатые окошечки легких веранд. Роскошные виллы стояли бок о бок с саманными лачугами, землянками, а то и вовсе норами.

Встречались постройки и вовсе ни на что не похожие, будто слепленные из фрагментов совершенно разных домов. Да и стояли дома как попало, без всякого порядка; одни выходили на улицу фасадом, другие – глухой стеной, третьи почему-то углом, одни выпирали вперед, едва не перегораживая дорогу, другие прятались в глубине. Довершали дикую картину всевозможные статуи, нелепые фонтаны, кривые заборы, каменные сараи, дощатые уборные, храмы, алтари, торговые лавки – всего не перечислишь.

– Да... – Энка перехватила удивленный взгляд подруги. – Именно тут во мне пробудился интерес к архитектуре.

– Фу, – сморщила нос Ильза. – Зачем здесь такая путаница? – Девушка совершенно не смыслила ни в градостроении, ни в архитектурных стилях, но безобразие Альтиция было слишком очевидным.

– В этом городе нет ни законов, ни правил, каждый волен делать, что хочет. Вот и выпендриваются кто во что горазд.

– Вообще никаких законов? – удивилась Ильза.

– Формально да, – ответила сильфида непонятно.

– А если я захочу... если захочу... – Ильза задумалась, чего бы такого чудовищного захотеть. – ...Ну, например, что-нибудь украсть. Или нет, захочу зайти к человеку прямо в дом без приглашения и забрать все, что понравится? Можно? Никто не запретит?

– Никто, – согласилась Энкалетте. – Но если хозяин дома захочет тебя за это убить или продать в рабство, ему тоже никто не запретит. Вопрос в том, кто из вас окажется сильнее.

Ильза поехала. Альтиций нравился ей все меньше и меньше.

– А ночевать мы будем прямо на улице, у памятника? – спросила она с тревогой.

– Ночевать мы будем в Доме гильдии. Мы же не самоубийцы. Идем!

Дом гильдии оказался совсем недалеко, в квартале (если это хаотичное скопление домов можно было назвать кварталом) от памятника Мангоррату. Имел он типично кансалонский вид: большая казарма из желтого песчаника, увенчанная небольшой башенкой с округлым куполом ярко-синего цвета, на улицу выходит глухая стена, окна обращены во внутренний двор. А слева и справа от него протянулась целая шеренга построек разного калибра и стиля, но имеющих одну общую особенность – приметные красные фонари над входными дверями. В конце улицы высилось еще одно сооружение, огромное и круглое, вовсе без крыши, Ильза такого никогда не видела.

– Это цирк гладиаторов, – рассказывала Энка. – Меня в свое время как раз туда и продали. О! А это – мой бордель!

Ильза таращилась во все глаза. Вот они, таинственные и запретные гнездилища разврата! Нет, не такими они ей представлялись. Бордель сильфиды, например, выглядел вполне мило, этакий благопристойный сельский отельчик с розовыми кружевными занавесочками на окнах и настурциями в балконных ящиках. Только дежурный фонарь над входом выдавал его истинное назначение. Любопытно, что там внутри?

– А можно, я загляну? Только на минуточку?

– Спятила?

– Интересно же! – захныкала Ильза.

– Что за нездоровый интерес? – возмутилась Энка. – Идем отсюда, не хватало, чтобы меня кто-нибудь узнал! – Она едва не силой толкнула Ильзу в ворота Дома гильдии.

Девушки без помех пересекли просторный квадратный внутренний двор, обычно используемый как плац для строевой подготовки и арену для поединков, но на входе в казарму их остановил старый десятник с лицом настолько обезображенным шрамами, что уже нельзя было определить, к какому народу принадлежит его обладатель.

– Стоять! Предъявить медальоны... Ох, раздери меня дракон! Это никак ты, девочка!!!

– Дядька Прук!! – Энка с визгом повисла на шее у десятника. – А я слышала, тебя убили под Уммаром! Три дня редела!

– Долго жить буду, – усмехнулся старый Прук, ему польстило столь продолжительное оплакивание. – Не убили, а покалечили. – Он протянул левую руку, вернее, ее остаток, лишенный кисти. – Вот, для настоящего дела больше не гожусь, теперь в сторожах подвигаюсь. Да и то сказать, годы уже...

– А чего вы себе крюк не закажете, как у пиратов? – осмелилась влезть в беседу старших по званию юная Ильза.

Старик опять усмехнулся, но не ответил, а спросил, кивнув:

– Ученица?

– Подруга, – ответила Энка. – Она в Дольнской школе.

– Это правильно, – одобрил Прук. – Все лучше, чем в учениках маяться. А ты, я смотрю, сотник? Умница! Я всегда говорил: далеко пойдет девчонка! Сколько ты народу положила, пока от цирка к нам добежала?

– Много, – неопределенно махнула рукой Энка. – Дядька Прук, а есть два места в казармах?

– Скажешь тоже, в казармах! Ты, поди, сотник, а не крысенок. Найдем что получше... Вы к нам надолго? Наниматься хотите? Тысячнику Тагилу как раз нужен хороший стрелок-сотник. Он вчера только жаловался, что никого серьезного на примете нет, одна шушера необстрелянная, из дворцовой охраны.

– Не, – помотала головой сотник Энкетте. – Мы здесь по другому делу. Друзей надо дожидаться, мы с ними разминулись. И потом, я последнее время больше в разведку нанимаюсь. Свободнее себя чувствуешь вне строя.

Прук хрюкнул – это должно было выражать веселье.

– Да, строй ты никогда не любила, это верно. Как вспомню, что на построениях выкидывала... Ну, идем, провожу в апартаменты. Девчонку к себе возьмешь или в казарму ее?

– К себе, – живо откликнулась сильфида. – Рановато ей в казарму. Там народ всякий бывает.

– Боги великие! – Энка с удивлением оглядывала отведенное им помещение. – Ничего себе, обстановочка! Вот богатеет Гильдия!

А обстановочка и в самом деле была роскошной: стены и полы скрыты под красными сехальскими коврами, по периметру в художественном беспорядке разбросаны шелковые подушки, над низким широким ложем – шелковый же балдахин и кисея от мух, в углу мраморный фонтанчик в виде жабы. И еще обнаружилась специальная комнатка с тем, что Макс обычно почему-то именовал «удобствами». И были удобства эти вовсе не такими удобными, зато красивыми – в форме цветка лотоса.

– Истинный сераль! – восхищалась Энка, прыгая на мягких подушках. – Хорошо, Меридит не видит. Она сказала бы, что воину так жить не пристало, и выдворила бы нас всех в казармы... Да, истинный сераль!

Ильзе слово «сераль» как-то не понравилось, пришлось растолковывать, что оно обозначает комнату для обитания гарема, а вовсе не то, что может показаться по созвучию.

Эдуард со стоном растянулся в пыльной траве у обочины. Солнце немилосердно палило, в воздухе дрожало и плыло марево, фейки-полуденницы резвились в его струях, как в водах реки. Плоская равнина простиралась до горизонта, и, насколько хватало взгляда, не было на ней ни деревца, ни кустика. Лишь на западе высились, подпирая небеса, величественные Арвеи, но тень от них, по раннему времени, падала совсем не туда, куда хотелось бы принцу. Рядом, подняв столб пыли, плюхнулся наставник.

– Жара суть главное несчастье спригганского рода! – драматически объявил он.

– Если бы только спригганского, – вздохнула Меридит. – Сколько воюем на юге, а все никак не привыкну.

Рагнар довольно усмехался в усы. Он всегда хорошо переносил, даже любил жару и теперь не без тайного удовольствия мог продемонстрировать свое превосходство в выносливости обычно таким непоколебимым наемникам. Гном, как ни странно, тоже не выказывал особого недовольства: постоишь у подземных горнов – и не к таким температурам приспособишься. А вот Аолен помалкивал совсем по другой причине – не находил в себе сил: несчастный пребывал на грани теплового удара. Для него, выросшего под ласковой тенью могучих коэлов, степная жара оказалась слишком суровым испытанием. Эльфу чудилось, что беспощадное светило иссушает его, как бедную бесплодную почву, покрытую безобразной растрескавшейся коркой, как жалкую траву, уже в июне желтую и мертвую. Он ощущал себя частью природы и страдал вместе с ней.

– Все! – бессердечно объявил Рагнар. – Отдохнули, и хватит. Подъем!

Северяне вставали на ноги, охая и вздыхая. Эльф тоже приподнялся было, но тут же снова рухнул, глотая воздух, как выброшенная на берег рыба.

– Не могу, – просипел он с трудом, пересохший язык не желал подчиняться своему хозяину. – Не могу больше. Не встану. Жарко.

Меридит хотела возмутиться, но взглянула на Аолена и поняла, что, как говаривала ее тетка Гудрун, попадая в засаду, «дело в самом деле плохо». Лицо эльфа, обычно нежно-розовое, словно у юной девушки, покрыл нездоровый багрянец, взгляд голубых глаз странно помутнел, губы потрескались, золотистые волосы клочками пакли прилипли ко лбу. Никогда ещё дισε не доводилось видеть эльфа в столь плачевном состоянии. В уэллендорфском городском рву и то краше плавали!

– Да что с тобой? – удивилась она. – Подумаешь, жара. Тошно, конечно, но ведь и хуже бывало! Хотя бы тогда, в Чернолесье, вспомни!

Эльф вспомнил: определенно, в Чернолесье было лучше!

– Эй! У кого вода осталась? – обернулась Меридит к спутникам. Загремели пустые фляги, отдавая последние капли своего содержимого, горячего и вонючего. Воды в общей сложности набралась кружка, но это количество уже не могло помочь страждущему.

– А я говорил вам, надо было больше брать! – брюзжал Орвуд с каким-то даже азартом. – А вам было лень тащить! Вот теперь вот эльф через вас пропадает!

– Подумаешь! – фыркнул Хельги. Как главный любитель путешествовать налегке, он чувствовал себя виноватым, но не желал, чтобы окружающие это заметили. – Мормельн совсем рядом. Уж не порем как-нибудь до вечера?

– Да мы-то не порем, – удрученно вздохнула сестра по оружию. – А вот кое-кто... – Она не стала договаривать.

– Ты думаешь? – Хельги испугался уже всерьез. – Ой, и что теперь делать?

– Он еще спрашивает! – Негодованию гнома не было предела. – Кто из нас грозный и могучий?! Уж расстарайся, прими какие-нибудь меры!

– Сейчас, – покорно кивнул Хельги. – Я быстренько! Только камней подходящих соберу...

Диса плюнула от досады:

– Опять камни! Энкалетте на тебя нет! Был один труп, станет два.

– Вот! – Брат по оружию предъявил ей на раскрытой ладони несколько серых осколков, каждый не больше ногтя. – Со мной все будет в порядке. Я только хочу, чтобы пошел дождик и немного посвежело.

...Степь дрожала от громовых раскатов. Ледяной шквал гнал по небу свинцовые клубы низких туч, будто волк – перепуганную отару, дождь лил даже не струями, а сплошной стеной, казалось, воздуха больше нет, одна вода. Прошло несколько минут, а по дороге уже несли бурный поток, едва не сбивая путников с ног. Влекомые водой камни больно били по щиколоткам. Молнии сверкали почти непрерывно, заставляя принца вопить от до сих пор не изжитого страха, но голос его тонул в грохоте бури.

– Хельги! Ты спятил?! Сбавь обороты!!! – проорала Меридит. – Ты нас угробить задумал?!!

– При чем тут я-то? – услышала она в ответ. – Я даже камни не успел разложить!

– А Астрал? Может, ты там напакостил?

– Да не был я в Астрале! Ни при чем я! Оно само!

– Ну так останови это!!! Пока мы еще живы!

Хельги плюхнулся на четвереньки, стараясь выудить из потока валунчики покрупнее.

Не сразу, ох, не сразу удалось обуздать разбушевавшуюся стихию.

– Зато воды вам теперь до самого Кансалона хватит, – пробормотал демон, отплеываясь кровью и грязью.

– И не говори! – только и ответил гном. Он стоял посреди лужи и с видом полководца, проигравшего битву, озирали картину разгрома, учиненного бурей.

Степь казалась морем, обмелевшим, но бескрайним, в грязных водах его барахтались, жалобно пища и сетуя на судьбу, фейки-полуденницы. Дорога превратилась в длинное глинистое болото, из которого ног не вытянешь. Снаряжение и провизия размокли, перемешались с липкой грязью. Продрогшие до мозга костей путники уже начинали чихать; лицо эльфа из багрового стало совсем зеленым, тело сотрясала крупная дрожь. Хельги борьба со стихией тоже не пошла на пользу.

– Бывала я в степях, видала я бури, – изрекла Меридит веско, – но чтобы так внезапно и само по себе...

– Ничто в мире не вершится само по себе, глупая дева! – раздался вдруг трубный глас ниоткуда, гордый, неприятный и очень знакомый. – Причина есть всему и вся! Воля Великих мира сего – вот причина. Повелитель возжелал – Царь Народов внял и исполнил волю его!

– А, значит, это ты, – вяло удивился Хельги. На то, чтобы как следует разозлиться, у него не осталось сил.

– Я! – гордо признал тот. – Счастлив служить тебе, повелитель. Но, увы, истекло время мое... – С этими словами черная тень растаяла в воздухе.

Жара сама по себе – тяжелое испытание для северных организмов, но жара плюс простуда – сочетание совершенно невыносимое.

Южное солнце за считанные минуты превратило размокшую от дождя степь в гигантскую парную, насыщенный влагой воздух загустел, как кисель, и совершенно не желал просачиваться в заложенные носы. Дышать через рот тоже приходилось с опаской – полуденницы ожили, возликовали, расшалились и принялись мелькать перед носом путников с риском быть проглоченными. Несчастливым становилось все хуже, ползли они все медленнее.

Лишь поздно вечером чихающая и кашляющая компания прибрела наконец к воротам Мормельна. Полутруп эльфа было решено сразу же доставить к первому попавшемуся лекарю. Тот взглянул на пациента, на провожатых и водворил всех скопом в холерный барак. Принц, узнав, где им предстоит провести ночь, впал в панику и упирался до тех пор, пока врачава-

тель не сообразил, в чем дело, и не растолковал, что это всего лишь название помещения для заразных больных, а холеры в Мормельне не случилось уже лет десять, со времен последнего большого нашествия орков.

Надо заметить, что лекарь, выбранный наугад, оказался весьма сведущим в своем деле. Он практиковал фитотерапию и кудианскую лечебную магию, которая пусть и не шла в сравнение с эльфийской, если дело касалось благородных хворей и ран, зато простые болячки вроде простуды, чирьев, поносов и язв излечивала куда эффективнее. Уже через день его пациенты, здоровые и отдохнувшие, смогли вновь тронуться в путь.

К всеобщей радости, за то время, что они провели в гостеприимном холерном бараке, погода заметно улучшилась. Восточный сухой сменился западным ветром с Арвеев, принесшим долгожданную прохладу. Путники повеселели, приободрились, – все, за исключением Хельги. Чем больше магистр Ингрэм размышлял о случившемся, тем тревожнее и неуютнее ему становилось. С тех пор, как проявилась его грозная и могучая демоническая сущность, жить приходилось с постоянной оглядкой, как бы чего не натворить, как бы не брякнуть лишнего. А теперь еще Царь Народов на него свалился! Неужели выживший из ума дух намерен и дальше исполнять все его пожелания, высказанные вслух? При чем с таким рвением? Если так, он их рано или поздно просто угробит! Ох, что же делать? Впору немим становиться! Вот ужас-то!

Несколько дней Хельги экспериментировал. Он громко высказал в пространство разные невинные пожелания типа «хочу есть», «хочу пить» или «пусть из-за холма выйдет ишак».

– Со стороны ты здорово смахиваешь на психа, – иронизировал Орвуд.

Впрочем, ни одно из желаний не исполнилось, и Хельги, не привыкший заикливаться на неприятностях, скоро успокоился. Сами понимаете, напрасно.

От Мормельна дорога поворачивала на запад.

– Ну вот, вышли на трегератское направление, – объявила диса. – Еще неделя – и мы в городе. А там через Арвеи и...

– И года не пройдет, а мы уже в Альтееи, – не разделил оптимизма спутницы Орвуд. – Сомневаюсь, что у вашей Энкалетте хватит терпения и благоразумия нас дожидаться.

Меридит по-дисьи фыркнула:

– Ни о каком годе речи не идет. В Трегерате возьмем напрокат туфли-скороходы и доскачем до места за несколько дней.

– Так быстро? – удивился Рагнар. – Я думал, они ускоряют ход раза в три-четыре, не более.

– Это смотря какая модель. Ты говоришь о самой примитивной. Но есть и такие, в которых использован принцип полёта грифона – магия, пожирающая пространство. Стоят бешеных денег, но нам выбирать не приходится.

– С ума сойти! Даже не слышал, что такое бывает!

– Об этом мало кто знает. Такие туфли считаются секретным снаряжением. Увидишь, с вас возьмут подписку о неразглашении, в ней такие страшные клятвы – ужас!

– Но ты же сейчас разглашаешь, – забеспокоился рыцарь.

– Я могу вам разгласить, как гарантированным клиентам, у нас с Хельги есть такие полномочия.

– А у Энка?

– У нее нет. Она обычно пользуется грифоном, туфлевладельцы ее плохо знают. К тому же слишком болтливая, джинны таким не доверяют.

– Скажи спасибо, она тебя не слышит, – заметил Хельги.

Клятву о неразглашении с них взяли. А туфли не дали. Не доверили. Сказали, что для новичков слишком сложны в использовании. Сотникам Ингрему и Меридит – пожалуйста, остальным нет.

– Что делать будем? – мрачно спросила сотник Меридит, с пренебрежением помахивая стоптанной остроносой туфлей с нелепыми кисточками и облезлыми позументами. – Две пары на шестерых.

Орвуду ситуация безнадежной не представлялась.

– Подумаешь, проблема. Рагнар с Эдуардом могут поехать на Хельги, мы с Аолоном на тебе, или наоборот, как пожелаете.

– Боливар не вынесет двоих, – возразил Хельги сердито.

– Чего? – опешил гном. – Какой бо...?

– Боливар. Это Макс так говорит. В их мире есть конь Боливар, он не желает носить двух седоков сразу, поэтому лишнего пристреливают.

– Какой жестокий мир! – поразился рыцарь. – У нас, конечно, тоже часто убивают, но уж по крайней мере не по прихоти коней.

– Это он вроде грифона, такая же зловредная скотина, – решил гном. – Значит, придется одному из вас бежать к девчонкам, а мы позже подтянемся.

Меридит решительно отложила туфлю:

– Ну уж нет! Всякий раз, когда мы с Хельги расставались надолго, дело оканчивалось бедой. Пойду еще раз поговорю с джиннами – вдруг согласятся?

Вернулась девица с победно сияющей физиономией и еще одной парой секретного снаряжения.

– Для Аолена. Двойную цену содрали, на случай утраты. Я им тебя так расписала, будто ты чуть ли не Великий маг. Надевай... Не так, осел!!! Держите его! Щас ускачет – не поймает!

Счастье, что примерка состоялась в помещении. Штукатурка потрескалась, но камень выдержал. Стукнулся эльф весьма чувствительно, впрочем, после испытания жарой синяки и ссадины показались ему сущим пустяком.

За несколько часов тренировки под суровым руководством Меридит Аолен кое-как совладал со строптивой магической обувью. Передвигаться в пространстве самостоятельно он еще не умел: чтобы не снесло в сторону, его приходилось вести за руки, как младенца.

– Интересно, как мы посмотрим со стороны? – веселился Эдуард.

Зрелище в самом деле впечатляло. Представьте себе: огромными прыжками несутся по арвейским межгорьям дика с гномом и спригган с человеком на спинах, а между ними, дергаясь из стороны в сторону и полузадушено пища, болтается нежный эльф, для балласта оседланный могучим рыцарем. В те периоды, когда туфли еще не пожирали пространство, а только набирали скорость, наблюдать сию чудную картину мог любой желающий.

Хотя не так много их было, желающих. Пограничье Аль-Оркана – местность не самая густонаселенная. И далеко не самая подходящая для ночлега. Но что делать? Даже дисы и демоны-убийцы не могут обходиться без сна, чего уж говорить об остальных. Если принцы и стеснялись подать голос, то гном прямо заявил, что сейчас заснет и свалится, – тогда пеняйте на себя.

– Нет, вы подумайте! Его везут, а он еще угрожает! – вознегодовал эльф. – Просто уму непостижимо...

Начавшийся процесс торможения лишил его возможности закончить мысль.

На ночлег компания устроилась в длинной узкой расселине с низко нависающими сводами. Ветром тянуло, как в трубе дымохода. Самое обидное, рядом была чудесная пещерка, маленькая и уютная, будто норка домовитой зверушки. Хельги и Меридит отказались от нее категорически. Любое замкнутое пространство в здешних горах – это ловушка. А так, если

орки нападут с одного конца, есть шанс уйти через другой. И, разумеется, никаких костров. И если кто умеет накладывать охранные заклинания, постарайтесь, чтобы они сработали.

Заклинания сработали. Орки смотрели – и не видели. Нюхали – и не чуяли. Пока. Они мирно занимались своими орочьими делами: разводили огонь, прилаживали на вертеле туши, – хорошо, если бараньи, а то, может быть, и кудианские, в темноте не разобрать.

– Хельги, а кого они жарят? Ты не видишь? – спросил Эдуард со страхом.

– Неважно! – огрызнулся тот.

Кудианин, понял принц. Он старался дышать ртом, чтобы не ощущать сладковатого смрада горелого мяса.

Потом орки мирно расселись кружком и принялись распевать, гнусаво, вразнобой. Меридит пыталась разобрать текст песни, но из нестройного хора звуков на слух удалось вычленить только непере译имый набор слов припева:

«Зыйда-нарайда, зыйда-нарайда, зыйда-нарайда, я-да-ран!» – пели орки, звеня в такт боевыми топорами. Навязчивый мотивчик вклеился дисе в мозги, она поймала себя на том, что чуть ли не подпевает.

А потом они пустились в пляс. Притопывали, прихлопывали, подвывали от восторга. Добрая сотня горных гоблинов кружилась в неуклюжем танце под лязг стали и грохот боевого барабана.

– Везет нам на праздники, – прошептал Хельги. – То к эльфам угодим, то к призракам. Теперь еще к оркам занесло.

– Да, это у них, не иначе, свадьба. Или, может, похороны, – ностальгически вздохнула Меридит.

И все вдруг почувствовали, как соскучились по сильфиде и Ильзе... хотя большая удача, что сейчас их нет рядом.

Праздник продолжался, а действие заклинаний мало-помалу истощалось: оно и понятно, не великие мастера накладывали. Орки, будь они трезвыми, давно могли бы учуять врагов. Но большинство из них уже лыка не вязало. Песни стали еще более бессвязными, движения еще более неуклюжими, нестройный круг плясунов медленно, но неуклонно перемещался как раз по направлению к расселине. В любой момент на головы скрывавшимся могла свалиться пьяная орочья туша.

Существовала и другого рода опасность. Орки уже достигли той стадии, когда выпитое начинало стремиться наружу. То один, то другой плясун отделялся от общего круга и удалялся в сторонку. Впрочем, ходить за этим делом далеко у горных жителей было явно не принято. К запахам мяса и гадкой сивухи теперь примешивался еще один, не менее отвратительный.

– Бежать, бежать надо! – зудел Рагнар. – Того гляди кто-нибудь прямо на нас нужду справит!

– Ой, правда! – испугался Эдуард, с этой позиции он ситуацию еще не рассматривал.

– Думаете, прорвемся? – усомнилась Меридит.

– Если наденем туфли, оседлаемся разом, по команде выскочим и сразу наберем скорость, то шанс есть, – рассудил Хельги. – Эдуард, вас в школе учили сражаться верхом?

– Верхом на лошади, – уточнил принц, справедливо полагавший, что сражение верхом на наставнике потребует несколько иных навыков.

Хельги легкомысленно махнул рукой:

– Все мы немного лошади, каждый из нас по-своему лошадь.² Так Макс говорит.

– Что-то твой Макс слишком много говорит о лошадях, – заметил гном.

² В. Маяковский. «Хорошее отношение к лошадям»

Да, туфли давали огромное преимущество. Спяну орки даже не поняли, что это такое, странное, многорукое, многоногое и многоголосое, вломилось в их строй и, проделав коридор, скрылось в чуть розовеющей дали.

– Впервые мне довелось побывать в бою верхом на эльфе! – радовался Рагнар. – Ах, какое незабываемое впечатление!

– Смейся, смейся! Друг называется! – Аолен делал вид, что сердится, но у него неубедительно получалось. За год общения с наёмниками даже гордый эльф научился воспринимать происходящее с юмором.

– А у меня вот что есть! – вдруг объявил Хельги.

– Где взял?! – так и подскочил Орвуд. Он всегда подскакивал, когда видел много золота. Такой у гномов рефлекс.

– У орков. Подхватил на бегу, случайно. Тяжелый, удобно по мозгам бить.

Меридит посмотрела и скривилась:

– Фу-у, Хельги, вечно ты подбираешь всякую дрянь. Выброси от греха.

Эдуард присмотрелся и понял: вот что поблескивало в пламени костров, вот вокруг чего водили орки свой дикий хоровод. Это был здоровущий, из чистого золота отлитый, на мощное древко наподобие копья насаженный, символ, скажем так, мужского начала.

– Зря ты его забрал, – поддержал дису благоразумный эльф. – Наверняка это какой-нибудь важный орочий амулет. Они не успокоятся, пока его не вернут. Все Староземье прочешут, целая война может выйти. Лучше всего его бросить.

– Еще чего! – опять подскочил гном. – Разбросался! В этих краях и без нас постоянные войны. А мы здорово поистратились на туфли. Продать его – и дело с концом. Как раз дорога окупится.

– Лично я *это* продавать не понесу! Никогда в жизни! Стыд какой! – сердилась Меридит. – Про нас подумают, что мы извращенцы.

– Чего тут стыдного, продать боевой трофей? – упорствовал гном.

– Смотря какой трофей.

– Неважно какой. Золото оно и есть золото, что из него ни сделай. А если ты такая скромница, ладно! Кладите его вот сюда, на камень. Я его обухом расплюшу.

Но сколько ни старался, сколько ни колотил гном боевым топором по злополучному предмету, тот хранил свою непристойную форму, как заговоренный.

Хотя почему «как»?

– Убедился? – торжествовал Аолен. – Это орочий магический артефакт. Он таит зло.

– Золото – вещество простое, магически инертное. Оно не может ничего таить, – возразил премудрый магистр Ингрэм. Его ничуть не заботила дальнейшая судьба трофея, он вмешался истины ради.

– Тогда почему он, демон побери, не плющится?!

– А! Так это из-за древка. В древке прорва орочей магии. Видите, даже символы какие-то вырезаны...

– Так что же ты молчал, осел сехальский, пока я мучился?! Снять его с древка – и нет проблемы!

Увы. Ни снять предмет, ни перепилить древко у основания тоже не удалось.

– Заверну в мешоки понесу как есть, – решил гном. – До ближайшего мага. Авось за процент от выручки расколдует. Не расколдует, тогда так сойдет.

– А я тебя с этим не повезу, не надейся! – заявила диса категорически. – Мне такого позора не надо, по всему Аполидию с причинным местом на палке бегать!

– Ну, пусть Хельги везет. Хельги, ты повезешь, если в мешок заверну?

Хельги было безразлично, кого, с чем и во что завернутым везти. И вот, после обмена сидоками, компания вновь двинулась в путь, унося магический трофей все дальше от пограничных земель.

Ах, если бы они могли видеть, что в это время творилось в орочьем лагере, наверняка предпочли бы вернуть оркам утрату. Хотя бы из сострадания.

С каждым днем Ильза все больше ненавидела Альтеций.

Ей был знаком каждый булыжник мостовой по дороге от Дома гильдии до памятника, каждая проститутка в окнах борделей, каждая трещинка на каменной морде Мангоррата. Ожидание становилось невыносимым, девушка извелась от тревоги и безделья. Первую неделю они дежурили у монумента ежедневно. Потом Энка поразмыслила и сообразила, что в этом нет смысла. По ее расчетам получалось, что пешие путники могут достигнуть Альтеция не ранее чем за месяц, и то при условии, что им удастся добыть скороходы в Трегерате.

Она купила в лавке белую краску, большую малярную кисть, взгромоздилась на статую и коряво намалевала на ее спине: «Мы здесь. Э.И.» Ильза опасалась, что горожан возмутит столь бесцеремонное обращение с их культурным наследием. Но жителям беззаконного города было на все наплевать.

Проделав сию варварскую процедуру, девицы стали навещать к памятнику лишь время от времени, на всякий случай.

Энка коротала свободное время весело. В Доме гильдии у нее нашлось множество старых приятелей. Одни уходили, на смену им приходили другие. В ожидании найма они гуляли, играли в кости, обменивались боевыми приемами, устраивали поединки, муштровали несчастных учеников, делали ставки в цирке гладиаторов – развлекались как могли. Сильфида окунулась в свою стихию. Ильза же не находила себе места от тоски. Ей всегда претили казарменный юмор и казарменные манеры, она скучала по Хельги, и вообще, все плохо, и так жить нельзя... Наверное, от этого безысходного состояния души и потянуло бедняжку, обычно такую робкую, скромную и безынициативную, на подвиги.

Собственно, ничего из ряда вон выходящего она не замыслила. Просто сделала то, от чего ее строго-настрого предостерегала Энка: отправилась прогуляться по вечернему Альтецию в одиночестве. Да ещё и медальон позабыла надеть.

Сразу по прибытии в Альтеций Энка записала Ильзу рядовой в Гильдию и навесила на нее кансалонский медальон, причем не простой, а огромный, с блюдце величиной. Подобные были в моде у боевых гоблинов, островных киклопов, уриашей и прочих великанов. Менее рослые наемники носили неприметные медальончики величиной с монету, а «большим знаком» отмечали лошадей на страх конокрадам.

За что Энка так обошлась с подругой? Она понимала: миловидная Ильза непременно станет желанной добычей для аполидийского темного элемента – от простых уличных насильников до профессиональных сутенеров и работорговцев. Но далеко не каждый из них решится тронуть девушку со знаком Кансалонской гильдии. В Аполидии законом была сила, а силой была Гильдия, ее знали и боялись. Одна беда: если, к примеру, насильник обнаружит на мёртвом теле своей жертвы кансалонский медальон, он, несомненно, пожалеет о содеянном, но будет уже поздно. Значит, необходимо, чтобы принадлежность Ильзы к Гильдии была очевидной, сразу бросалась в глаза. С этой целью Энка и украсила боевую подругу «лошадиным знаком». Она не учла самой малости – его тяжести... Весил медальон – массивный, отлитый из бронзы – ох немало! Цепочка безжалостно натирала девушке шею, она стремилась снимать ее как можно чаще. Вот и в тот злополучный вечер забыла надеть после мытья.

Она не собиралась забредать далеко – лишь пройти до Мангоррата и обратно, подышать вечерней прохладой, отдохнуть от казарменного общества, помечтать о встрече с друзьями... а дойти успела только до цирка гладиаторов.

Из подворотни вышли трое.

По меркам Гильдии, Ильза была не слишком хорошим воином: ей не хватало опыта и решительности. Но кое в чем, а именно в умении верно оценить противника, боец Оллесдоттер преуспела. Она сразу поняла: перед ней мастера своего дела, в одиночку с ними не справиться, нечего и пытаться. Гораздо умнее притвориться беспомощной, усыпить бдительность похитителей. Она позволила набросить себе на голову мешок, обвисла тряпичной куклой и отдала себя в руки Сил Судьбы.

Испытывала ли она страх? Пожалуй, нет. Скорее, тревогу, и то не за себя, а за сотника Энкалетте – она ведь испугается, обнаружив пропажу подруги. А с ней разве может случиться что-то плохое? Разве Хельги это допустит? Придет и спасет. И ничего не страшно, даже интересно. Может, в бордель продадут, а повезет, так и в гарем. Удивительные вещи рассказывают о богатстве и роскоши южных гаремов. Вот бы посмотреть!

Несли ее долго, даже спать захотелось. Но мешала духота, ныло затекшее тело. Ильза терпела-терпела, наконец не выдержала и решила попытаться улучшить свое положение.

– Эй, любезный! – Девушка вежливо постучала по невидимой спине похитителя. – А можно я сама пойду? Очень шея устала...

От неожиданности ее чуть не уронили. Злоумышленники-то были уверены, что жертва лишилась чувств от испуга, они никак не ожидали услышать ее спокойный деловитый голос.

– Ты че, дура! Предупреждать надо! – выпалил похититель.

– О чем предупреждать? – не поняла Ильза.

– Что болтать станешь, – пробурчал злодей невнятно, он понял, что сморозил ерунду.

– А я постучала! – обиделась Ильза.

– Виси и не дрыгайся, не то по башке дам, – рявкнул похититель, он чувствовал себя глупо и оттого злился.

Ильза на всякий случай притихла, просьб и предложений больше не высказывала, лишь бубнила тихо: «Мыться нужно, прежде чем порядочных женщин уволакивать!» От похитителей до тошноты разило чесноком, винным перегаром и потом.

Девушка испытала немалое облегчение, когда ее наконец сгрузили на пол и вытряхнули из мешка.

Она стояла (на четвереньках) посреди шикарного помещения, оформленного в сехальском стиле: сводчатые потолки, затейливая вязь орнамента, ковры, подушки, шелковые занавеси, полуголые девы с пышными белыми опахалами и много, много золота. В центре всего этого великолепия восседал, скрестив ноги, дядька в сехальской же одежде – парчовом халате, сафьяновых остроконечных туфлях, – такой толстый, что Ильзе сперва показалось, будто это не человек, а кто-то диковинный. Одних подбородков у дядьки было не меньше пяти, а щеки, вероятно, просматривались со спины. Брюхо, подпоясанное богатым красным кушаком, лежало на жирных коленях, пухлые пальцы черпали из золотой чаши что-то вкусное и отправляли в маленький, круглый, почти женский ротик.

– Привет, – вежливо поздоровалась Ильза, поднимаясь на ноги. – Приятно познакомиться.

На нее удивленно воззрились заплывшие масляные глазки.

– Не плачет? – спросил толстяк. – Почему?

Голос его был слишком высоким, но приятным, напевным и тягучим, как патока. Похитители топтались у входа и недоуменно пожимали плечами. Толстяк смотрел требовательно.

– Может, того... со страху? – предположил самый здоровый и тупой на вид. – Девки они того... пугливые дуры.

Ильза оскорбилась:

– Сам дурак пугливый. Я воин. Воину плакать не пристало. И повода, кстати, не вижу. Это тебе надо плакать!

– Молчи, женщина! – взревел злодей.

Но в сонных глазках толстяка мелькнул интерес и даже что-то похожее на веселье.

– Мило, мило. Очень... оригинально. Ну-ка, подойди, дитя мое. – Он поманил пленницу пальчиком-колбаской.

Ильза, будучи девушкой, в общем, неконфликтной, не стала упрямиться и подошла. Толстяк долго и бесцеремонно рассматривал ее в фас и профиль.

– Миленькая, – пришел к заключению он. – А что, ты и вправду воин? Хороший?

– Средней паршивости, – ответила Ильза честно, именно так квалифицировала ее боевые навыки требовательная и прямая Меридит. А какой смысл было врать? Всегда легко проверить.

Незнакомец опять умилился, потом обратил взор на похитителей:

– И сколько просите за нее?

Те склонились в почтительном поклоне.

– Сто золотых, о господин.

Ильза присвистнула. Она и не подозревала, что стоит так дорого. Но сехалец торговаться не стал, хлопнул в ладоши. Звук вышел тихим, но на него сейчас же явился опрятный домовый гoblin с подносом, на котором лежал бордовый бархатный кошель. Толстяк швырнул его, как собакам швыряют кость. Кошель был пойман на лету. Пятясь и низко кланяясь, ловцы живого товара удалились.

Ильза ожидала, что теперь сехалец завяжет беседу с ней лично и даст себе труд объяснить, куда она, собственно, попала и что ее ждет. Не тут-то было. Он опять щелкнул пальцами. Полуголые девы побросали веера и, щебеча не по-староземски, увлекли Ильзу в соседнее помещение. Обходились с ней весьма любезно: вымыли в душистой воде, умастили благовониями, нарядили в прохладные шелковые одежды, красиво причесали, насурьмили брови, в общем, превратили в немыслимую красавицу, за которую в самом деле сто золотых не жалко. Ильза с удовольствием разглядывала преображенную себя в огромном зеркале. Новый облик был ей очень к лицу. Она так и не добилась от девиц никакой информации – ни одна не говорила (или не хотела говорить?) по-староземски, но это ее не особенно тревожило. Ильза доподлинно знала: если попадаешь в рабство в Аполидий, самое главное – не есть алычу. Все остальное не так уж страшно. Вот если бы еще удалось подать весточку подруге...

Ночью Ильза изучала обстановку и искала пути к побегу. Таковых не обнаружилось. Все окна были забраны дивной красоты коваными решетками, ажурными, как кружево, но от этого не менее прочными. Дверь, тоже зарешеченную и запертую на амбарный замок, охраняли два нелюдя неизвестной породы – желтокожие, остроухие, раскосые и зубастые, с клиновидными чёрными бородками и острыми кривыми ятаганами в когтистых руках. Ильза показала им язык, вернулась в постель, не слишком роскошную, но удобную, и с чистой совестью заснула. Она мечтала увидеть во сне Хельги, но приснился Орвуд. Гном размахивал предметом странным и неприличным и говорил: «Золото оно и есть золото. А ты, как ни наряжай, сто золотых не стоишь. Пятьдесят, не больше». Обидно было до слёз.

Ночь пролетела как миг. Наступило чудесное розовое утро. Едва проснувшись, Ильза вновь попала в руки вчерашних дев. Некоторые их действия она сочла бесцеремонными, но стерпела, и в результате стала еще краше, – дева корриган, да и только! Сияющую великолепием, ее ввели в зал.

– Ну разве не хороша? – Толстяк угодливо улыбался, поблескивал хитрыми глазками. – Мила, тиха, неперецлива. Не только ложе согреть, женой стать может! Принцесса северная! Да, такую и в жены взять не зазорно!

– Тоша она для жены, – скучным скрипучим голосом возражал противный сухонький старикашка в темно-синем остроконечном колпаке с хвостатыми звездами. – Господин мой Маммух дородных дев любит.

– Эка беда – тоща! Откормите, откормите! Изюму, орехов поболе – совсем красавицей станет!

– Что ли я гусыня? – возмутилась Ильза.

– А говоришь, неперечлива! – тут же прицепился вредный старикашка.

Толстяк из-за его спины стал делать Ильзе страшные знаки. Та догадалась: надо молчать, понимая кивнула продавцу, придала физиономии умильное выражение и сделала старцу неуклюжий книксен. Именно так, по ее представлению, должна была себя вести примерная рабыня. Она развлекалась от души. Происходящее было для нее не более чем увлекательной игрой, правила которой нужно соблюдать для обоюдного удовольствия. Если бы не тревога о покинутой без предупреждения сильфиде, девушка была бы совершенно счастлива.

– Четыреста золотых, – уговаривал толстяк, – задаром отдаю! От сердца отрываю птичку мою ненаглядную! – Он даже всхлипнул.

– Двести, – проскрипел старик. – Двести пятьдесят максимум.

– Побойтесь богов, почтенный Ахамар! За двести я использованных женщин отдаю! Дева – непорочная! Триста, мое последнее слово.

Ахамар недовольно кряхтел и не соглашался. Тогда уязвленная Ильза решила взять дело в свои руки.

– Ведь я читать умею! – сообщила она. – На мечях сражаюсь. Суп варю, грибной.

Старец, видимо сраженный ее сообщением, шмыгнул крючковатым носом и раскошелся.

Господин Маммух был красив, важен и несметно богат. Сын опального визиря, Маммух в ранней юности бежал из родного Алнайшаха в далекий Аполидий – опозоренный, презираемый, без гроша за душой. Корабли, медные копи, роскошные дворцы – всего этого он достиг сам благодаря изворотливому уму, редкому трудолюбию и полному отсутствию совести. Ему было чем гордиться, за что себя, драгоценного, любить. Он любил, и ни в чем себе не отказывал. И подарки себе делал регулярно, для настроения. Вот проснулся поутру и призадумался: чего бы сегодня захотеть. И захотел новую женщину.

Желание было не самым оригинальным, оно возникало не реже раза в месяц.

За годы благополучия у него скопилось около двух сотен наложниц, не считая тех, кого он подарил, перепродал, забил за неповиновение, выбросил за ненадобностью или взял в законные жены. Он путал их имена, мог не узнать при встрече, не знал точного числа, но продолжал пополнять коллекцию.

Новый экземпляр доставили к завтраку. Девушка-северянка, якобы принцесса. Ну, это маловероятно. Зачем бы принцессе шастать по Альтецию без присмотра? И стоят они уж никак не четыреста монет. А, ладно! Что есть, то есть. В забытом всеми богами Альтеции на лучшее рассчитывать не приходится. И то спасибо, быстро привели. В прошлый раз до обеда пришлось дожидаться, пока расстараются, шайтаны сонные...

Маммух вальяжно потянулся и хлопнул в ладоши:

– Привести девку!

Не понравилась. Тощая. Стриженная. Одежда богатая, но сразу видно – ей в новинку. Принцесса! Отловили бродяжку на улице, отмыли, приодели. Заразная не оказалась бы...

– Имя?! – недовольно рявкнул он.

Услышав командный голос, Ильза по школьной привычке, ставшей почти рефлексом, вытянулась во фронт и громко отрапортовала: «Боец Оллесдоттер, ваше...» – Но, вспомнив правила игры, осеклась, скромненько опустила глазки, изобразила нечто, отдаленно напоминающее придворный реверанс, и проблеяла голоском, каким, по ее представлению, разговаривали самые кисейные из барышень: «Ильза я, господин». Красиво изогнутые брови господина Маммуха поползли вверх, поведение новой рабыни его озадачило. Он продолжил допрос:

– Где рождена?

– На Ипских островах, о господин, – ответила Ильза, справедливо полагая, что название Лотт ничего не скажет сехальцу.

Название «Ипские острова» ему тоже ничего не сказало, но виду он не подал. Еще не хватало, чтобы слуги заподозрили, что их господин знает не все на свете!

– Каким богам молишься?

По духовной части Маммух, даром что сам не поклонялся никому, был большой знаток. Он старательно штудировал жизнеописания всех известных богов и демонов, надеясь обнаружить у себя астральные корни. Ну не может же такой великий человек, как он, не иметь астральных корней, будто простой смертный? Главное – целеустремленно искать...

Ильзу же вопрос сехальца заставил призадуматься. Вообще-то уроженцы Ипских островов традиционно почитали Ирмина, а когда с Севера стали наступать морозы и льды, когда замёрз Большой Архипелаг и Граница Жизни подступила едва ли не к самым Фьордам, они обратили свой взор к северным богам и стали просить покровительства у Одина и Асов. Слов нет, и Ирмин, и Один с Асами – боги могучие и уважаемые. Но если разобраться, какая от них польза лично ей, Ильзе? Разве они соизволили помешать фьордингам разграбить Лотт? Разве они спасли невинную девушку из грязных лап жестокого берсеркера Улафа?

– Я поклоняюсь Хельги Ингрему! – объявила Ильза уверенно, но радуясь втайне, что вышеупомянутый демон ее не слышит.

Маммух нахмурился. Что еще за Хельги Ингрем? Никогда раньше не встречал подобного имени, ни в одной из книг... или встречал? Да, пожалуй... но где? Гордость и любопытство боролись в его мутной душе.

– Как?! – Ильза почувствовала замешательство сехальца. – Вы не знаете Хельги Ингрема?! Могущественнейшего и опаснейшего из современных демонов-убийц?! Он в Трегерате Ирракшану съел! Он весь мир спас! Ну, скажу я вам, и дыра ваш хваленый Альтеций, если тут не знают Хельги Ингрема! – Она сознавала, что поведение ее противоречит роли покорной рабыни, но останавливаться было поздно. – А вот скажу ему – он вас всех уничтожит, ему раз плюнуть! Про него, между прочим, в «Новейшем и полнейшем справочнике» написано, а там про кого попало не станут писать, вот!

...– Ты кого привел, орочий ублюдок?! Ты кого привел?! – Голос Маммуха срывался на визг. Тощее старческое тельце Ахаммара содрогалось в мощных руках хозяина, лязгали вставные зубы, мелко тряслась борода, трещал парчовый халат.

– Она моджахеда! Черная моджахеда! Ты привел в мой дом Черную моджахеду!!!

Да, при всех своих отрицательных качествах господин Маммух был образованным человеком и регулярно выписывал для своей библиотеки, кстати, лучшей в Альтеции и соседних провинциях, книжные новинки Староземья.

Ильза была порядком озадачена, когда господин Маммух, пролистав упомянутую ей книгу, вдруг побледнел и с криком «вай, вай, шай-тан!» выскочил вон из зала.

Вернулся он через несколько минут, красный, потный и оскалившийся.

– Сколько просишь за бесчестье? – выпалил сквозь зубы.

– Чего? – не поняла девушка. – Чего я прошу?

– Господин! Господин! – В зал влетел всклокоченный отрок, чалма сползла на ухо и размоталась. – Дурная весть, господин, не вели казнить! Дворец в осаде!!!

– Что-о?! Кто посмел?! –

– Гильдия, о господин! Наемники! – провизжал отрок, падая ниц.

Маммух медленно осел на подушки.

– А! Это за мной! – Раскрашенное на южный манер личико Ильзы расцвело в улыбке. Она поняла, что успела здорово соскучиться по сильфиде.

Исчезновение подруги Энка обнаружила за полночь. Сперва рассердилась, потом впала в панику, но вовремя взяла себя в руки и стала рассуждать трезво (все перечисленное заняло у нее не более десяти минут): будь она Ильзой и надумай прогуляться, куда бы пошла? Одно из двух: к памятнику или, из любопытства, в бордель. Отложив бордель на потом, сильфида решила отработать вариант с памятником. И не ошиблась. Окрыленные удачей похитители дев вновь вышли на промысел.

Сотник Энкалетте тоже умела верно оценить противника. Она сразу поняла, перед ней три идиота, которые только и способны, что нападать на беззащитных девчонок, а настоящий воин расправится с такими молодцами за пару минут. Поэтому она вела себя осторожно, чтобы не угробить всех троих сразу, предварительно не допросив. Прямо нутром почуяла: к исчезновению Ильзы ночные охотники имеют самое прямое отношение. И оказалась права. После недолгого допроса с пристрастием оставленный в живых злодей согласился указать место, куда доставлена была последняя жертва.

Дом торговца живым товаром был похож на настоящую крепость и охранялся соответственно. Тяжелые кованые ворота стерегли два красномордых ифрита, внутренняя охрана была набрана из грулов и шайтанов. Энка усмехнулась. Несмотря на внушительный вид, ни те ни другие хорошими стражниками, как правило, не были. Опытному кансалонскому диверсанту не составляло большого труда миновать все посты.

Забор, мощный, каменный, усаженный поверху битым стеклом, она преодолела виртуозно. Левитировала! Прямо с места! На два метра! Метр – это шаг в высоту. Эх, ну почему Меридит не видит! Она же никогда не поверит! «Рожденный ползать летать не может» – набралась от Макса глупостей и издевается!

Проникать в дом Энка не стала, а обошла вокруг, заглядывая в красиво зарешеченные окна. В одном из них она и увидела Ильзу. Разнаряженная в пух и прах, девушка вертелась перед зеркалом. Вид у нее был вполне счастливый. У сильфиды отлегло от сердца. Хотела забрать подругу сразу, но передумала. Пусть ребенок развлечется, отдохнет от казармы. До утра с ней ничего плохого не случится, портить товар торговец не станет. А утром будет видно. Со спокойной душой сильфида отправилась в Дом гильдии.

К дому торговца она вернулась чуть свет, и хорошо, что не промедлила. Ильзу как раз выводили. Ее усадили в крытый возок, запряженный толстым ишаком, и повезли – ох, демон поberi! – во дворец этого ублюдка Маммуха!

Взаимоотношения торговца Маммуха и Южной ложи Гильдии были далеко не безоблачными. Однажды хитрый сехалец нанял две сотни кансалонцев для охраны огромного каравана по пути в Хемму и обратно и обманул при расчете. Не из жадности вовсе, а из соображений разумной экономии – поход не принес ожидаемой прибыли. Как назло, в те дни у старшего казначея родился первенец. На радостях старый дурень, долгие годы считавший себя бесплодным, напился до положения риз и что-то где-то сболтнул. Обман был раскрыт, Гильдия в материальные проблемы нанимателя вникать не стала, деньги пришлось вернуть с большим процентом. Худой мир был восстановлен, но с тех пор господин Маммух в наёмничьей среде стал персоной непопулярной.

А потому, когда наемники узнали от всеми уважаемого сотника Энкалетте, что «эта сехальская сволочь» посмела захватить полноправного члена Гильдии и метит его в наложницы, они пришли в ярость, смешанную с восторгом, и всей толпой ринулись спасать боевого товарища.

Увы, их ждало разочарование. Навстречу из дворца вышла боец Оллесдоттер, целая, невредимая и непоруганная. Хозяин самолично провожал ее до ворот и почтительно кланялся на прощание. Инцидент был исчерпан. Хитрый Маммух опять избежал расправы.

За обедом Ильза с детским восторгом описывала подруге свое приключение.

– А он говорит: «Какому богу молишься?» А я говорю: «Хельги Ингрему». А он как подскочит, как убежит и как заорет за стеной: «Моджахеда, моджахеда!!!» А потом пришел и говорит: «Что ты хочешь за бесчестье?» – А тут вы как раз дворец осадили. А я все думаю, чего бы такого захотеть. И вижу, в нише за решеткой стоит вещь. Я просто так взяла и сказала, хочу ее. А Маммух этот аж позеленел. Бери, говорит, что хочешь, только не это. Ну, я тоже не дура. Раз, думаю, не отдает, значит, хорошая вещь. И говорю: хочу только ее, другое мне честь не восстановит. Ну, он заплакал и отдал, куда ему деваться? Вы-то уже ворота ломали.

Энка слушала и головой качала. Она знала, что такие вещи существуют на свете, но даже не надеялась когда-нибудь увидеть воочию. Чего только не случается в жизни! Подумать только! Прямо перед ней посреди прозаического обеденного стола лежал, прочно закрепленный на резной мраморной поставке, Черный камень Ло – самый таинственный из магических артефактов, известных современной цивилизации!

Как попала бесценная реликвия в руки аполидийского торговца, почему он почти безропотно отдал сокровище девчонке, принятой за Черную моджахеду, оставалось только гадать. А может, сами Силы Судьбы привели Ильзу в дом Маммуха, может, именно эту реликвию жаждет вернуть призрак из старого замка?... Сомнительно. Слишком все просто получается, а ведь Силы Судьбы известны своим каверзным характером, пристрастием к запутанным ходам и опасным головоломкам. Ну да ладно, что гадать о неведомом! Поживем – увидим... Надо не забыть сказать Меридит, чтобы занялась с Ильзой риторикой. Рассказчик из нее никуда не годный.

Вот и наступил он, долгожданный день, когда к воротам Альтеция в облаке пыли, со скоростью, приличествующей разве что грифонам или песчаным ифритам, приблизилось нечто бесформенное и свалилось в песок. При ближайшем рассмотрении оно оказалось не единым целым, а шестью отдельными существами северной природы. Заплатив положенную пошлину, северяне вошли в город.

– Да, – изрекла Меридит, удрученно взирая на обезображенную статую. – Это Энка, больше некому. А еще архитектор называется!

– Ну что, удалось собрать информацию о Мангоррате? – спросила Меридит у девиц. Те переглянулись.

– Что? – Диса заметила их замешательство.

– А мы ничего не собирали, – невинно хлопая ресницами, отвечала простодушная Ильза. – Да, Энка?

– Почему?!

– Не догадались, – так же честно пояснила девушка.

Сильфида тяжело вздохнула.

– То есть, – заговорила диса с расстановкой, – вы, как две дуры, сидели чуть не месяц в Альтеции, бездельничали, портили монументы, обирали мирных торговцев и за все время ни разу не удосужились поинтересоваться тем, ради чего мы все притащились в это богами забытое место? Я правильно поняла?

– Допустим. Ну и что? – В голосе сильфиды звучал вызов.

– Нет, ничего. Я никогда не подозревала вас в гениальности. Просто немного недооценила степень ее отсутствия.

Ильза из сказанного ничего не поняла, потому не обиделась. Энка тоже сердиться не стала. Она и сама мысленно ругала себя сехальской ослицей.

На следующее утро компания разбрелась по городу в поисках информации. Опрашивали всех подряд: практикующих магов, трактирщиков, джиннов-туфлевладельцев, просто город-

ских старожилов. Увы. Никто ничего не знал о памятнике, кроме того, что он «всегда тут стоял». Один лишь седенький школьный учитель смог поведать чуть больше.

Альтеций был молодым городом, даже по меркам молодого Аполидия. Его построили не более трехсот лет назад, еще живы были некоторые из тех, кто видел здешние места совершенно необжитыми, кто сам возводил первые дома и храмы.

Удивительно, что городу вообще суждено было возникнуть.

Западное побережье Аполидия – это цветущий край, море там изобилует рыбой, фрукты в садах созревают два раза в год, а тучные поля приносят такой урожай, что дети из беднейших Аполидийских семей не знают значения слова «голод».

Южное побережье – совсем другое дело. Южное побережье – это Черная Зыбь на море, это Пески Шаала на суше, это Аль-Оркан под боком. Кто захочет жить в таких краях? Беглые каторжники, изгнанники и проклятые – вот кто строил Альтеций. Но задолго, задолго до них, стоял на Песках Шаала, глядел на Черную Зыбь единственным каменным глазом древний исполин, последний памятник ушедших эпох и народов...

– Все это познавательно и поэтично, – сказал Хельги, – но совершенно бесполезно. Может, нужно получше рассмотреть сам памятник?

– Я этот памятник уже наизусть знаю, – проворчала Ильза. – Нету в нем никакой *информации*. – Она запомнила красивое ученое слово, очень гордилась и вставляла его к месту и не к месту.

Рагнар махнул рукой:

– А, все равно делать больше нечего! Пошли, посмотрим памятник.

Они долго бродили вокруг в надежде заметить хоть что-нибудь, хоть малейшую зацепку... Близился вечер. Первые лучи заката розовели на каменной лысине коварного Мангоррата. Энка с безнадёжным видом села в песок у подножия.

– Оттого что мы ходим кругами, как больные овцы, ситуация... – «Ого! Какое хорошее слово! Надо запомнить!» – ...не прояснится. Я вам с закрытыми глазами демонова истукана опишу. Сто двадцать шагов по окружности, толстый, лысый, глаз один, нос отбит, одет в тунику, колени в разные стороны, скорпион в руках. Спереди рогулька с глазами – и что толку?

– Подожди! – воскликнул Аолен. – Рогулька! Зачем она нужна? Что символизирует? Вид у нее странный... незавершенный. Так и хочется продолжить вглубь.

– Идиотка! – хлопнула себя по лбу Энка.

– Рогулька идиотка? – удивился принц Эдуард.

– Не рогулька, а я! Архитектор демонов! Это же надхрамовая статуя! Типичная надхрамовая статуя эпохи Старых Царств. Я должна была сразу сообразить, ослица сехальская! Магистр еще называюсь! За такое диплома лишают!

– Будет просто чудесно, если ты прекратишь заниматься самобичеванием и соизволишь вразумительно объяснить в чем дело, – заметил Хельги скептически.

– В том, что перед нами не целое сооружение, а только его верхняя часть. В древнейшие времена так строили: снизу храмовое здание, а сверху полая статуя во всю крышу размером, внутри нее – подсобные помещения или кельи жрецов. За тысячи лет храм просел, его занесло песком, и теперь мы видим то, что видим. А главное – внутри! Копать надо, вот что я вам скажу. Под рогулкой должен быть вход... Хотя не обязательно, нередко его делали сбоку. Надо целиком откапывать.

– Ты в своем уме? – осведомился Орвуд, не понаслышке знакомый с производством земляных работ. – Тут за полгода команда землекопов не управится! И кто тебе позволит копать в центре города?

– Допустим, копать в Альтеции может кто угодно и где угодно... – начала Энка запальчиво, но гном перебил:

– Куда вынутый грунт девать? Ты представляешь, сколько будет песка? Что скажут аборигены, когда ты начнешь заваливать их дома?

– А если вывозить за город? Нанять землекопов, возчиков? – Рагнар мыслил масштабно, как истинный монарх.

– И заодно пару сотен охраны. Потому что все маргиналы Альтеция и разбойники Песков Шаала вообразят, что под статуей зарыты несметные сокровища, – отмела предложение дика.

– Давайте отойдем в сторонку, – неожиданно попросил Хельги, дотоле не вступавший в прения. – А то как бы не провалиться.

– Куда... Эй, ты что задумал?!

Задумал Хельги вот что: он посмотрел на статую в Астрале и счел ее достаточно крупной. Такую вполне можно взять и приподнять... совсем немножко приподнять... Будь Мангоррат сооружен на менее рыхлом субстрате, все окружающие памятник постройки непременно развалились бы. К счастью местных жителей, пески подходили к самому океану. Хельги поднимал статую медленно, песок заполнял возникающие пустоты. Землетрясения в здешних краях не были редкостью, потому факт извлечения храма из недр земных далеко не сразу привлек внимание общественности.

И вот он предстал пред ними во всей красе. Приземистый купол со странными, кривыми, утолщенными колоннами по бокам, с огромным изогнутым выступом над входом. Храм был велик; стоя довольно близко, они не могли охватить взглядом всю постройку целиком и не сразу поняли: одноглазый Мангоррат сидит, скрестив ноги, на панцире гигантской каменной черепахи.

С трепетом входили друзья под древние каменные своды пустовавшего не одно тысячелетие храма. Что ждет их внутри? Сокровища древних? Магические артефакты ушедших в небытие колдунов? Тайные манускрипты? Усыпальницы героев былых эпох? А может, смертельные ловушки для непрошенных гостей?

Но нет. Храм был пуст, как юдоль бедняка. Толстый слой песка на полу, несколько каменных коробов с разбитыми крышками, одинокий скелет в углу, рассыпавшийся в прах при первом прикосновении (на него впотьмах налетел принц), – и все. Даже стены были гладкими, без обычных для храмов магических надписей. Скучные голые стены... Гулкое эхо разнесло по залам дружный вздох разочарования.

– Мертв. Давно и безнадежно мертв, – печально изрек Аолен, прощаясь с последней надеждой.

– Тогда почему здесь столько магии? – не согласился Хельги. – Активной, действующей?

– Значит, мы опять что-то упускаем из виду. – Энка рыскала по залу с видом гончей, учуявшей дичь. – Надо внимательнее смотреть... Так... Стены голые, потолки голые... смотрите, люк в крыше! А снаружи незаметен... Чего-то мы все-таки не видим. Чего мы не видим?...

– Пол, – спокойно ответил Эдуард на чисто риторический вопрос. – Он песком засыпан.

– !!!

Пол расчистил Хельги: устроил внутри храма небольшой смерч. Песчаная воронка поднялась к потолку, вырвалась на волю сквозь обнаруженный сильфидой люк и рассеялась по окрестностям.

Процедура оказалась ненеправильной. Под вековыми наслоениями скрывалась дивной красоты мозаика, выполненная в зеленовато-голубых и янтарно-розовых тонах из полупрозрачных камней таких чистых оттенков, что в храмовых сумерках казалось, будто они светятся изнутри. Орнамент мозаики был затейлив и хаотичен – переплетение извилистых линий, изящные завитки, отдельные звездочки-вкрапления, целые созвездия. Узор завораживал своей красотой, но выглядел абсолютно абстрактным, лишенным всякого смысла.

– Люксография, – определила Энка. – Типичная храмовая люксография. Теперь ясно, зачем в башке у Мангоррата люк.

– Зачем? – заинтересовался принц, очень гордый своим случайным открытием.

– Когда в храмовое окно под определенным углом падают лучи солнца или луны, некоторые элементы орнамента высвечиваются, и становятся заметными всякие там письмена, магические символы, аллегорические изображения. Нам остается только сесть и ждать.

– И долго ждать? – осведомился гном не слишком-то радостно.

– Зависит от расчетного периода. Чаще всего он равен суткам, реже – месяцу, году. Скажем, изображение проявляется в полнолуние или на какой-нибудь религиозный праздник, – увлеченно повествовала премудрая архитекторша. – В отдельных же случаях приходится ждать десятилетия, даже века...

– Вот спасибо, вот обрадовала! – распаркался гном. – Какая чудесная перспектива, десятилетиями рассиживаться в черепашьем нутре и ждать, авось засветится!

Однако сидеть пришлось намного меньше.

Полная, яркая луна вошла над беззаконным городом Альтецием. И в тот самый миг, когда первые косые лучи ее осветили окошко храма, отдельные линии орнамента вспыхнули так ярко, будто не ночное светило отразилось в них, а полуденное южное солнце. Астрал всколыхнулся от мощного выброса магических сил.

– Что я говорила! – радовалась сильфида. – Типичная лунарная люксография! Между прочим, нам крупно повезло. Самый короткий лунарный расчетный период равен лунной фазе... В смысле... короче, окажись мы здесь не сегодня, а завтра, – пришлось бы ждать месяц.

– Ох, неспроста такое везение! – по-старушечьи каркал гном. – Ох, неспроста!

– Конечно, – подтвердила довольная сильфида. Она обожала интриги, загадки и тайны, особенно связанные с архитектурой. – И должна вам сказать, лунарную люксографию, в отличие от солярной, используют приверженцы самых неблагонадежных культов, к примеру, кальдорианцы, танатиды...

Ильза смотрела на пол и обиженно моргала.

– А я все равно не понимаю, что здесь нарисовано, – пожаловалась она.

– Ишь захотела! Конечно, не понимаешь. Люксограммы содержат тайную для непосвященных, сложно закодированную информацию, их приходится расшифровывать.

– Глаза протри, – Меридит бесцеремонно прервала поток информации, льющейся из уст оседлавшей любимого конька сильфиды. – Чего тут расшифровывать? Это карта Староземья и окрестностей.

В самом деле, на матовом голубом мозаичном фоне сияли огненные очертания береговой линии Староземья, Аполидия, Сехала, Северных земель, Сильфхейма и архипелагов. Древняя карта выглядела весьма точной; сведущие в навигации Хельги и Энка без труда распознавали знакомые бухты, островки и проливы. Одна странность: как раз против дельты Венкелен была обозначена земля. Та, которой нет. По площади она значительно превосходила и Сильфхейм, и даже крупнейший из островов Замерзшего архипелага. Короткий перешеек – такой прямой и узкий, что возникала мысль о его рукотворном происхождении, – соединял неведомую землю с континентом.

Постепенно на карте проявлялись все новые детали. Высветились русла рек, озера, горные хребты, извилистые контуры лесов. А когда лунный диск заглянул в окно целиком, вспыхнули огни. Шесть пунктов были отмечены на карте яркими, кроваво-красными огнями. Они казались объемными, выступали над уровнем пола язычками холодного бездымного пламени. Жутковато становилось от этой картины – непонятно почему.

– Запоминайте! – взвизгнула Энка. – Луна уходит, скоро все погаснет!

– Малый остров архипелага Аддо, южная его оконечность... – перечислял Хельги вслух, чтобы лучше запомнить, – напротив дельты – земля какая-то, откуда взялась?... Дальше Дефт. Вот, похоже, наш Альтеций... горы ванедов, это по побережью. И один в... да, пожалуй, это в Конвелле или где-то рядом. Всё, запомнил!

Словно в ответ на его слова люксограмма стала тускнеть и гаснуть. Храм погружался в зловещую тьму. Откуда-то потянуло сыростью и холодом, такими редкими в прокаленном южным солнцем Альтеций.

– Уходим, быстренько! – объявила Энка. – После исчезновения люксограмм задерживаться рядом не рекомендуется.

Никто даже не поинтересовался почему. Сами почувствовали: не рекомендуется.

Какой же чудесной казалась теплая южная ночь после могильной затхлости древнего храма! Небо черное, как бархат, луна желтая, как сочный южный плод, которому нет названия на языке Староземья. С моря тянул легкий бриз, воздух пах солью и астрагалом, где-то недалеко истошно орал мул. Ночные злоумышленники всех мастей попрятались по своим темным подворотням, не рискуя даже помыслить о нападении на большую, хорошо вооруженную компанию.

Настроение было приподнятым. Где-то далеко-далеко, но забрезжила наконец разгадка тайны.

– Если кто-то что-то понял, расскажите-ка и мне! – пропела Ильза весело. Она была безмерно счастлива, что не пришлось сидеть в храме всю ночь, слишком зловещим он был, несмотря на пустоту и заброшенность или благодаря им.

– Мне представляется, на карте отмечено расположение храмов или иных объектов культа, связанного с Мангорратом, – предположил эльф.

– Очень-очень вероятно! – промурлыкала Энка в тон Ильзе. – И знаете, что представляется мне? Придется нам обойти их все! Наверняка что-нибудь да узнаем, я прямо нутром чую!

Возражать ей никто не стал. Гном хотел было, да слов не нашел, только присвистнул.

Часть вторая

Худой седовласый человек в полотняной мантии неприятного оттенка запекшейся крови прямо и неподвижно, будто степной истукан, восседал на каменном троне, установленном у самого края маленького горного плато. Тусклые глаза, не мигая, смотрели вдаль, на юг, туда, куда устремляет свои воды еще быстрая в этих краях Венкелен. У подножия трона нещадно дымил можжевелевый костерок, но легким западным ветром дым отклоняло в сторону, и над непокрытой головой старца кружил целый сонм насекомых-кровопийц. Ни одно живое существо не выдержало бы и пяти минут в подобных условиях, но старец даже не замечал атаки крылатых тварей. Он больше напоминал свежего покойника, нежели живого человека, и все же был жив. Во всяком случае, у босоногого отрока, избежавшего на скалу и с размаху бухнувшего ниц у его ног, никаких сомнений по этому поводу не возникло.

– Встань и реки! – звучным, властным голосом приказал старик.

Юноша, патлатый, грязный, тощий до прозрачности и бледный до синевы, одетый в нечто бесформенное, более всего напоминающее мешок с дырами, поднялся и, не отряхивая острую каменную крошку, впившуюся в голые колени, заговорил дрожащим, задышающимся голосом человека, долго бежавшего в гору с дурной вестью:

– О Владыка! Я принес весть от адепта Кааны!.. Престол Альтетия... Его покой нарушен! Он пробудился!

Брови старца поползли вверх, узловатые руки стиснули камень подлокотников.

– Что за чушь! Уж не отведал ли адепт Каана хмельного корня? Престол Альтетия засыпан песком по самое Верхнее Нутро, никто и ничто не может потревожить его.

– Адепт Каана, – пролепетал отрок чуть не плача, – сам боялся верить своим глазам. Он призвал адептов Сылу и Тапыту, и они смотрели вместе... – Он всхлипнул: – Сомнений нет, о Владыка...

Тот, кого называли Владыкой, надолго замер в молчании. Отрок стоял перед ним, сотрясаемый мелкой дрожью. Ветерок чуть переменился, дым повалил прямо в лицо несчастному, но он не сдвинулся с места ни на полшага.

– Ты принес дурную весть, – заговорил старец, – очень дурную весть, очень, очень дурную... – Он говорил медленно, растягивая каждое слово. Юноша дрожал все сильнее, колени его подгибались, в конце концов он снова упал на острые камни. – Очень, очень... Ступай в поклонную, вели высечь тебя солеными кнутами до третьей крови.

При этих словах лицо молодого человека просияло так, будто настал счастливейший миг его жизни. С ликующим воплем, едва ли не на животе подполз он к старику и принялся истово, заливаясь слезами умиления, лобзать подножие трона.

– Благодарю тебя, о Владыка! О, как ты милостив! Благодарю, благодарю!!!

– Ступай! – Старик брезгливо ткнул пресмыкающегося отрока ногой, босой и пыльной, прямо в мокрое от слез лицо.

Тот вскочил, отступил, пятясь и низко кланяясь, и с воплями «Слава! Слава!» помчался вниз.

А старик вновь застыл, устремив взор в пространство, но лицо его больше не было отрешенным, наоборот, оно стало напряженным и сосредоточенным. Владыка думал. Прошло не менее получаса, прежде чем он зашевелился опять. Погладил грязную нечесаную бороду, нашарил рукоять деревянного молота, прислоненного к трону. Рядом, на прочной перекладине, опирающейся на каменные столбы, висела полая металлическая отливка странной вытянутой формы. Старик ударил по ней молотом. Гулкий, заунывный звук, похожий на стон неведомого великана, разнёсся над горами.

Спустя несколько секунд откуда-то снизу объявились два мужика, косматых, мосластых, одетых в дерюги. Медленно, церемонно они преклонили колени, собрались целовать ноги старца, но были остановлены властным жестом.

– Передать Выге, – отрывисто приказал Владыка, – полсотни Карающих Ножей к каждому Престолу. И чтобы ни одна тварь, живая или мертвая, ни одна тварь... – Голос старца неожиданно сорвался на яростный визг. Завершать фразу он не стал, не для кого было стараться. Подданные, не разбирая дороги, уже неслись вниз по склону.

Ох и поспорили же они! А как иначе? Пять пунктов, восемь существ, каждое со своим мнением. Как выбрать путь?

Энка предлагала начать с островов Аддо и методично двигаться вдоль побережья. Хельги первым делом желал попасть в дельту, его донельзя заинтриговала загадочная земля. Демона горячо поддерживал рыцарь. Рагнар считал, что самым умным будет взять в Оттоне (это же рядом с дельтой!) корабль и странствовать морем. Эльф выстроил маловразумительную теорию о центре и периферии и, согласно ей, стремился в Конвелл. Меридит желала двинуться в Дефт и далее на север, Ильза и Эдуард устойчивого мнения не имели, просто орали за компанию. Орвуд ругал всех, обзывая идиотами.

Но до драки дело так и не дошло.

– Давайте начнем с Сехала, – нашел выход Хельги. – Это единственный из пунктов, куда можно добраться с помощью туфель. Сгоняем туда-обратно, потом станем думать дальше.

На том и порешили.

Хотя «сгоняем» – это было сказано слишком громко. Даже в туфлях самой новейшей модели до цели было не менее восьми дней пути. Причём, проходил этот путь по местам далеко не самым безопасным – южная оконечность Аль-Оркана; прибрежные равнины, населённые племенами, формально входящими в состав Империи, а на деле бесконечно воюющими и с престольным Алнайшахом, и друг с другом; окрестности Хеммы, города со славным прошлым, большим будущим, но совершенно удручающим настоящим. И, наконец, сами горы ванедов – маленького народа, основным занятием которого было разведение овец и боевых драконов. А ведь их, драконов, надо и кормить, и натаскивать на бегущую жертву!

– Но в туфлях нас никто не поймает, – заметил Эдуард, – на такой скорости нас даже не видно – мелькнули, и все. Чего нам бояться?

– А спишь ты тоже в туфлях? – спросила Энка сердито.

Один плюс – бежать стало легче благодаря перераспределению груза. Самых увесистых, Рагнара, Орвуда и Аолена, усадили на негодующего грифона. Эдуарда собирались поручить наставнику, но Ильза заявила, что пусть он на это даже не рассчитывает – Хельги уже занят. Самому Эдуарду было все равно на ком ехать, и его сбагрили сильфиде под предлогом, что та еще никого не возила. Впервые в жизни Меридит бежала налегке. После перетаскивания довольно увесистой тушки гнома и немногим более легкого принца она испытывала состояние, близкое к блаженству. Так иногда бывает во сне: тело становится почти невесомым и кажется, что, то ли низко летишь, то ли перепархиваешь с места на место огромными скачками, противоречащими законам гравитации.

А вот Ильза вынуждена была признать: путешествие верхом на Хельги, пусть даже нежно любимом, по комфортабельности значительно уступает полету на грифоне. Во-первых, Хельги тощий, жесткий, без шерсти и без длинной горизонтальной спины. Сначала этого не замечаешь, но попробуйте усидеть на таком целый день! Во-вторых, тряска немилосердная, ветер бьет в лицо, песок и пыль мешают дышать, от них плохо спасает даже плотный белый платок, выдаваемый в комплекте с туфлями. Меридит ловко обмотала им голову девушки, оставив лишь узкую щель для глаз. Не так уж много видно было в эту щель, и Ильза отчаянно скучала.

Но жаловаться боялась – вдруг Хельги обидится. И потом ведь ему, бедному, ещё хуже, с грузом-то!

– О-ох, – стенала Энка на привале. – О-ох, трещат мои косточки! Хельги, ты своего ученика перекармливаешь! Весит как целый боров!

Эдуард обиженно сопел и горько раскаивался, что уступил наставника Ильзе.

– Отстань, – возмутился Хельги. – Он весит ровно столько, сколько положено при его росте и комплекции. Это ты слабосильная.

– Разумеется! Я нежная девушка, а не мул, – ответила сильфида, потягиваясь.

При этом она, немного не рассчитав, задела плечом здоровую мраморную глыбу, примостившуюся на самом краю высокого обрывистого берега. С грохотом, увлекая за собой обломки поменьше, та полетела вниз и рухнула в воду, подняв мощный фонтан соленых брызг.

– О! Обвал устроила, нежная наша! – отметила Меридит ехидно.

...– Делайте что хотите, дальше не побегу! Не могу, – заявила «нежная девушка» около полуночи, – сил моих больше нету. Ильза, слезай! – Справедливости ради, они стали время от времени меняться седоками.

Хельги бросил на сильфиду взор, полный немой благодарности. Он тоже устал, но стыдился признаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.